

ДАЙНА ДЖЕФФРИС

Жена
чайного
плантатора

Еще один великолепный
исторический роман Дайны
Джеффрис...

Goodreads

Колоритная, историчная, атмосферная, богатая
сюжетными изломами и поворотами, роскошная книга.

Sunday Express

Дайна Джеффрис
Жена чайного плантатора

«Азбука-Аттикус»

2015

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Джеффрис Д.

Жена чайного плантатора / Д. Джеффрис — «Азбука-Аттикус»,
2015

ISBN 978-5-389-20140-8

1920-е годы. Девятнадцатилетняя англичанка Гвен выходит замуж за Лоуренса, обаятельного владельца огромной чайной плантации на Цейлоне. Гвен приезжает к мужу, полная надежд и планов на будущее. Но жизнь на Цейлоне, вопреки ожиданиям, оказывается не столь радужной. Недовольство рабочих. Злопыхательство соседей. Козни невестки. Но самое главное – покрытая мраком история смерти первой жены Лоуренса. Почему все так старательно скрывают обстоятельства ее гибели? Кто похоронен в безымянной могиле в лесу? Столкнувшись с тайнами прошлого своего мужа, Гвен оказывается перед трудным выбором... Запоминающийся, нежный портрет женщины, вынужденной выбирать между супружеским долгом и материнским инстинктом... Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20140-8

© Джеффрис Д., 2015
© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	35
Глава 6	49
Глава 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Дайна Джеффрис

Жена чайного плантатора

Памяти моего сына Джейми

Dinah Jefferies
THE TEA PLANTER'S WIFE

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London
Copyright © Dinah Jefferies 2015
The author has asserted her moral rights
All rights reserved

Перевод с английского Евгении Бутенко

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Е. Л. Бутенко, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021 Издательство Иностранка®

Пролог

Цейлон, 1913 год

Женщина поднесла к губам тонкий белый конверт. Она немного помедлила, прислушиваясь к мучительно сладким звукам играющей где-то вдалеке сингальской флейты. Повертела в голове свое решение, как перебирают гладкие камушки на ладони, потом запечатала конверт и приставила его к вазе с поникшими красными розами.

В ногах кровати с пологом стояла древняя оттоманка из темного дерева – боковины обтянуты атласом, мягкое кожаное сиденье. Женщина приподняла его, вынула из бельевого ящика свое свадебное платье цвета слоновой кости и накинула его на спинку стула, сморщив при этом нос от тошнотворного запаха нафталина.

Она выбрала розу, отломив цветок и взглянула на младенца, радуясь, что он все еще спит. Перед туалетным столиком она подняла цветок и приложила его к своим светлым волосам – он всегда говорил, что это такие тонкие шелковые нити, – потом встряхнула головой и отложила розу. Не сегодня.

На кровати беспорядочными кучками лежали детские вещи.

Кончиками пальцев женщина прикоснулась к свежестыранной кофточке, вспомнив, как вязала ее много часов, до рези в глазах. Рядом с одежками лежали листы белой папиросной бумаги. Не откладывая дольше, она свернула голубую кофточку, положила ее между двумя листами, отнесла к оттоманке и опустила на дно обитого цинком ящика.

Каждая вещь была аккуратно сложена, помещена между слоями бумаги и добавлена к остальным шерстяным шапочкам, пинеткам, распашонкам и комбинезончикам. Голубой. Белый. Голубой. Белый. Последними ей под руку попались пеленки и махровые подгузники. Убрал все, она удовлетворенно посмотрела на проделанную работу и, отмечая в сторону таящийся за ней смысл, не побледнела.

Еще один взгляд на трепещущие ресницы ребенка подсказал, что малыш скоро проснется. Нужно спешить. Для себя она выбрала платье из восточного шелка живых синезеленых оттенков, длиной чуть выше лодыжек, с завышенной талией. Это был ее любимый наряд, присланный из Парижа. Она была в нем на той вечеринке, после которой был зачат ребенок. Она помедлила. Не будет ли это расценено как попытка уязвить? Кто знает. Мне нравится цвет. Вот что она сказала себе. Прежде всего цвет.

Младенец захныкал и шевельнулся. Женщина взглянула на часы, вынула ребенка из кровати и села в кресло для кормления у окна, чувствуя, как легкий ветерок холодит кожу. Солнце стояло высоко, скоро наступит жара. Где-то в доме лаяла собака, с кухни несся упоительный запах стряпни.

Она распахнула халат, обнажив беломраморную грудь. Малыш потыкался носом и присосался к ней. Крепкие же у него челюсти, такие крепкие, что соски у нее потрескались и, чтобы выносить боль, приходилось закусывать губу. Желая как-то отвлечься, она оглядела комнату. В каждом углу застыли воспоминания в форме каких-нибудь вещей: резной стульчик для ног был привезен с севера; абажур лампы у кровати она расшила сама; ковер купили в Индокитае.

Она погладила малыша по щеке, он перестал сосать, поднял ручку и на один бесконечно прекрасный миг коснулся нежными пальчиками ее лица. Тут можно было бы и расплакаться.

Спеленутого младенца она положила на постель, завернула в мягкую вязаную шаль, потом оделась сама, взяла его на одну руку и огляделась. Опустила свободной рукой сиденье оттоманки, бросила непригодившуюся розу в лакированную корзину для бумаг и провела ладонью по оставшимся в вазе цветам. С них посыпались лепестки, пролетели мимо белого конверта и упали, как брызги крови, на полированный пол красного дерева.

Она открыла французское окно и, окинув взглядом сад, трижды глубоко вдохнула наполненный ароматом жасмина воздух. Ветер стих, флейта умолкла. Она думала, что ей будет страшно, но вместо этого почувствовала долгожданное облегчение. Все, довольно. Она двинулась вперед, делая один за другим уверенные, твердые шаги, и, когда дом остался позади, представила себе самый нежный оттенок сиреневого – цвет спокойствия.

Часть первая Новая жизнь

Глава 1

Двенадцать лет спустя. Цейлон, 1925 год

Держа в одной руке соломенную шляпку, Гвен прислонилась к просоленным перилам и снова глянула вниз. Она уже целый час следила за изменением цвета моря и проплывавшими мимо обрывками бумаги, апельсиновыми корками и листьями. Теперь вода из темно-бирюзовой стала грязно-серой, ясно, что осталось недолго. Она высунулась еще немного дальше за перила, чтобы проводить взглядом клочок серебристой обертки.

Когда зазвучал пароходный гудок – громкий, долгий и как будто прямо над ухом, – Гвен вздрогнула и от неожиданности выпустила поручни, за которые держалась. Маленькая атласная сумочка с изящным бисерным шнурком – прощальный подарок матери – выскользнула у нее из пальцев. Она ахнула и попыталась подхватить ее, но было поздно – сумочка полетела в океан, закружилась в мутной воде и пошла ко дну. А вместе с ней и деньги, и аккуратно сложенное письмо Лоуренса с инструкциями.

Гвен растерянно огляделась и ощутила очередной приступ беспокойства, от которого не могла избавиться с тех пор, как покинула Англию. «Из Глостершира дальше Цейлона не уедешь», – говорил отец. Его голос еще звучал в голове у Гвен, а она уже с испугом слышала другой, явно мужской, но необычайно ласковый:

– Впервые на Востоке?

Привыкшая к тому, что ее фиалковые глаза и светлая кожа всегда привлекают внимание, Гвен обернулась и была вынуждена прищуриться от яркого солнечного света.

– Я... Да. Я еду к мужу. Мы только недавно поженились. – Она сделала вдох, чтобы остановиться и не выболтать сразу всю историю.

Широкоплечий мужчина среднего роста с крупным носом и блестящими глазами карамельного цвета смотрел прямо на нее. Его черные брови, курчавые волосы и темная гладкая кожа приковали к себе взгляд Гвен. Трепеща внутри, она не сводила глаз с незнакомца, пока тот не улыбнулся ей приветливо.

– Вам повезло. К маю на море обычно начинает штормить. Чайный плантатор, полагаю, – сказал мужчина, – ваш муж.

– Откуда вы знаете?

Он развел руками:

– Есть такой особый тип. – (Гвен посмотрела на свое бежевое платье с заниженной талией, высоким воротником и длинным рукавом. Ей не хотелось относиться ни к какому «типу», однако она поняла, что если бы не повязанный на шею шифоновый шарф, то вообще выглядела бы блекло.) – Я видел, что случилось. И сожалею о вашей сумочке.

– Да уж, такая глупость, – сказала Гвен, надеясь, что не краснеет.

Будь она немного больше похожа на свою кузину Фрэн, могла бы завести с незнакомцем беседу, но вместо этого, подумав, что их краткий разговор закончен, отвернулась и стала следить за приближением корабля к Коломбо.

Над мерцающим городом распростерлось кобальтовое небо, очеркнутое от земли фиолетовыми холмами, под деревьями лежала густая тень, воздух звенел от криков чаек, круживших над скопищем маленьких лодок на воде. Возбуждение бурлило в Гвен – все было так необычно. Она скучала по Лоуренсу и на мгновение позволила себе предаться мечтам о нем.

Мечтать было легко, но реальность была такой захватывающей, что в животе у нее запорхали бабочки. Гвен сделала глубокий вдох, надеясь наполнить грудь соленым морским воздухом, и удивилась, ощутив запах чего-то более душистого, чем соль.

– Что это? – спросила она, повернувшись к незнакомцу, который – чувства ее не обманули – так и не сдвинулся с места.

Мужчина помедлил, принюхиваясь.

– Корица и, вероятно, сандаловое дерево.

– Тут есть что-то сладкое.

– Цветы жасмина. На Цейлоне много цветов.

– Как мило, – произнесла Гвен, тем не менее понимая, что это не все.

Сквозь соблазнительные ароматы пробивался запах какой-то тухлятины.

– Боюсь, еще пахнет канализацией.

Гвен кивнула. Вероятно, так и было.

– Я не представился. Меня зовут Сави Равасингхе.

– О... – Она помолчала. – Вы... то есть я не видела вас за обедом.

Он состроил гримасу:

– Вы имели в виду – не пассажир первого класса? Да. Я сингал.

До сих пор Гвен не замечала, что мужчина стоял по другую сторону каната, разделявшего классы.

– Что ж, очень приятно с вами познакомиться, – произнесла она, стягивая с одной руки белую перчатку. – Я Гвендолин Хупер.

– Значит, вы новая жена Лоуренса Хупера.

Гвен потрогала крупный цейлонский сапфир на своем перстне и кивнула, слегка удивившись:

– Вы знаете моего мужа?

Сави наклонил голову:

– Я с ним встречался, да, а теперь, боюсь, мне пора идти. – (Она протянула руку, радуясь новому знакомству.) – Надеюсь, вы будете очень счастливы на Цейлоне, миссис Хупер. – Он будто не заметил ее протянутой руки, сложил ладони перед грудью пальцами вверх и слегка поклонился. – Пусть сбудутся ваши мечты... – Мгновение постоял с закрытыми глазами и ушел.

Гвен немного смутили его слова и странный прощальный жест, но, отягощенная более насущными проблемами, она лишь пожала плечами. Ей нужно постараться вспомнить указания Лоуренса из потерянного письма.

К счастью, пассажиры первого класса, а значит, и Гвен сходили на берег прежде других. Она подумала о своем новом знакомом и невольно почувствовала себя очарованной. Никогда еще не встречались ей столь экзотические люди. Было бы гораздо веселее, если бы он остался, чтобы составить ей компанию, хотя, конечно, это было невозможно.

Гвен оказалась совершенно не готовой к шоку от жгучей цейлонской жары, звенящих красок и контраста между яркостью света и глубиной теней. Шум обрушился на нее: колокольчики, гудки, людские голоса и жужжание насекомых – все это охватило ее, стало вертеться и кружиться вокруг, пока она не почувствовала себя одним из кусочков болтающегося на волнах плавучего мусора, за которыми наблюдала недавно с борта корабля. Вдруг общий гул перекрыл громкий трубный глас. Гвен обернулась и как зачарованная уставилась на деревянную пристань, где, задрав вверх хобот, стоял и мощно трубил слон.

Привыкнув к виду слона, Гвен отважилась зайти в здание администрации порта. Она договорилась насчет своего дорожного сундука и села на деревянную скамью на улице. Влажно, жарко и душно. Кроме шляпки, защититься от солнца было нечем, да и ту приходилось время

от времени использовать, чтобы смахивать со лба прилипчивых мошек. Лоуренс обещал приехать в порт, но пока его что-то было не видно. Гвен попыталась вспомнить, как он велел ей поступить в случае какой-нибудь непредвиденной ситуации, и тут снова увидела мистера Равасингхе, который появился из предназначенного для пассажиров второго класса выхода в борту судна. Избегая глядеть на него, она надеялась скрыть смущение: надо же было оказаться в таком глупом положении! Повернув голову в другую сторону, Гвен стала наблюдать за неуклюжей погрузкой ящиков с чаем на баржу в другом конце причала.

Запах канализации давно уже перекрыл пряный аромат корицы и теперь смешался с прочей мерзкой вонью: канатной смазкой, навозом, гниющей рыбой. И по мере того как причал заполнялся раздраженными пассажирами, которых осаждали торговцы и разносчики, предлагавшие самоцветы и шелка, Гвен начало подташнивать от нервного напряжения. Что она будет делать, если Лоуренс не приедет? Он обещал. Ей всего девятнадцать, и он знает, что она никуда не выезжала из поместья Оул-Три, разве что пару раз добиралась с Фрэн до Лондона. Чувствуя себя совсем одинокой, Гвен пала духом. Плохо было уже то, что Фрэн не смогла отправиться в путь вместе с ней: сразу после свадьбы Гвен ее кузину вызвал к себе адвокат. И хотя Гвен доверила бы Лоуренсу свою жизнь, она не могла не чувствовать себя немного расстроенной из-за сложившейся ситуации.

В толпе сновал целый рой полуголых смуглых ребятишек, которые совали пассажирам связки коричневых палочек и, глядя на них огромными молящими глазами, выпрашивали рупии. Мальчуган лет пяти протянул пучок корицы Гвен. Она поднесла его к носу и понюхала. Ребенок заговорил, но для Гвен это была какая-то тарабарщина, и, к несчастью, у нее не было ни рупий, чтобы дать ему, ни английских денег.

Гвен встала и немного прошлась вокруг. Налетел короткий порыв ветра, и откуда-то изда- лека донесся тревожный звук: бум, бум, бум. «Барабаны», – подумала она. Били они громко, но не настолько, чтобы можно было отчетливо расслышать ритм. Гвен еще не успела далеко отойти от оставленного рядом со скамьей чемоданчика, как вдруг услышала оклик – ее звал мистер Равасингхе – и почувствовала, что на лбу у нее выступают капельки пота.

– Миссис Хупер, не оставляйте свои вещи без присмотра.

Она вытерла пот тыльной стороной ладони:

– Я слежу за ними.

– Люди бедны и готовы на все. Пойдемте, я отнесу ваш чемодан и найду вам более про- хладное место для ожидания.

– Вы очень добры.

– Всего нет. – Он поддерживал ее за локоть только кончиками пальцев и прокладывал им путь по зданию портовой администрации. – Это Черч-стрит. А теперь взгляните вон туда – на самом краю Гордон-гарден растет *сурья*, или тюльпанное дерево, как его еще называют.

Гвен посмотрела. Толстый ствол был весь в глубоких складках, как женская юбка, а крона, усыпанная ярко-оранжевыми цветами в форме колокольчиков, давала какую-то стран- ную огненную тень.

– Там будет немного прохладнее, хотя послеполуденная жара очень сильная и муссон еще не пришел, так что особого облегчения вы не получите.

– Вам и правда ни к чему оставаться со мной, – сказала Гвен.

Сави улыбнулся и прищурил глаза:

– Я не могу оставить вас здесь одну, без денег и совсем чужую в нашем городе.

Радуюсь его компании, Гвен улыбнулась.

Они прошли к указанному им месту, и она провела еще час, прислонившись к дереву, обливаясь потом, который струйками стекал по ее телу под одеждой, и размышляя, во что она ввязалась, согласившись жить на Цейлоне. Шум усилился, и хотя ее спутник, окруженный толпой людей, стоял близко, ему приходилось кричать, чтобы она его расслышала.

– Если ваш муж не появится к трем часам, надеюсь, вы не откажетесь от моего предложения перебраться в отель «Галле-Фейс». Там свежо, есть вентиляторы и прохладительные напитки, вам будет гораздо комфортнее.

Гвен заколебалась: ей не хотелось покидать ставшее уже привычным место.

– Но как Лоуренс узнает, что я там?

– Он поймет. Любой британец, кто бы он ни был, отправляется в «Галле-Фейс».

Она взглянула на внушительный фасад отеля «Гранд Ориентал»:

– Не туда?

– Определенно нет. Поверьте мне.

Ранний вечер пылал огненным светом, ветер дунул ей в лицо облаком песка, и по щекам ее заструились слезы. Гвен быстро заморгала, потом протерла глаза, решая про себя, можно ли доверять новому знакомому. Вероятно, он прав. На такой жаре и умереть недолго.

Неподалеку от того места, где она стояла, под рядами трепещущих белых лент, натянутых поперек улицы, сформировалась плотная толпа людей; мужчина в коричневой хламиде стоял среди группы женщин в цветастых одеждах и издавал какие-то повторяющиеся высокие звуки. Мистер Равасингхе заметил, что Гвен смотрит на эту сцену.

– Монах произносит *пиритху*, – сказал он. – Это делают, когда кто-нибудь умирает, чтобы обеспечить хороший уход. Тут, думаю, свершилось какое-то великое зло или, по крайней мере, смерть. Монах пытается очистить место от всякой оставшейся скверны, призывая милость богов. На Цейлоне мы верим в духов.

– Вы все буддисты?

– Я – да, но тут есть индусы и мусульмане.

– А христиане?

Сави медленно кивнул.

Когда и к трем часам Лоуренс не появился, мистер Равасингхе протянул ей руку и спросил:

– Ну что?

Гвен кивнула, и он кликнул рикшу, на котором были лишь тюрбан и грязная набедренная повязка. Взглянув на его худую спину, она содрогнулась:

– Я ни за что не поеду на этом.

– Вы предпочитаете повозку с волами? – (Посмотрев на кучу овальных оранжевых плодов, наваленных на телегу с огромными деревянными колесами и убогим навесом, Гвен почувствовала, что краснеет.) – Прошу простить меня, миссис Хупер, мне не следовало шутить над вами. Ваш муж использует повозки вроде этой для транспортировки ящиков с чаем. Мы поедем в маленькой коляске. Всего один вол и крыша из пальмовых листьев.

Гвен указала на оранжевые фрукты:

– Что это?

– Королевские кокосы. Только для сока. Хотите пить?

Хоть она и хотела, но все равно покачала головой. На стене прямо за спиной мистера Равасингхе висел большой плакат, на котором была изображена темнокожая женщина в красно-желтом сари, босоногая, с золотыми браслетами на лодыжках и желтым шарфом на голове. «Вкуснейший чай», – гласила надпись. Пальцы у Гвен стали липкими, и ее омыло волной тошнотворной паники. Как же далеко она от дома!

– Вы сами видите, – говорил между тем мистер Равасингхе, – машин тут совсем мало, и рикша, определенно, довезет быстрее. Если вам это не нравится, мы можем подождать и я попытаюсь найти коляску с лошастью. Или, если вам так будет удобнее, могу поехать вместе с вами на рикше.

В этот момент откуда ни возьмись появилась большая черная машина, она гудками прокладывала себе путь, разгоняя пешеходов, велосипедистов, повозки, тележки и едва не наез-

жая на бесчисленных спящих собак. «Лоуренс», – с облегчением подумала Гвен, однако, бросив взгляд в проезжавшее мимо авто, увидела внутри только двух европейского вида женщин средних лет. Одна из них повернула голову и посмотрела на Гвен с выражением неодобрения на лице.

«Ладно, – мысленно сказала себе Гвен, решившись наконец, – рикша так рикша».

Несколько тощих пальм качались на ветру перед отелем «Галле-Фейс», а само здание смотрело в сторону океана очень по-британски. Когда мистер Равасингхе попрощался с Гвен изящным восточным жестом и теплой улыбкой, она с грустью посмотрела ему вслед, однако после этого бодро прошла мимо двух изогнутых лестниц и уселась ждать в относительной прохладе Пальмового фойе. Она мигом почувствовала себя как дома и закрыла глаза, радуясь, что можно хоть немного отдохнуть после мощной атаки на все ее органы чувств. Однако передышка едва ли продлится долго. Скоро, наверное, приедет Лоуренс, а она сейчас далеко не в лучшей форме, ей хотелось бы произвести на мужа совсем другое впечатление. Не спеша выпив чашку цейлонского чая, Гвен окинула взглядом уставленный столиками и стульями зал с полированным тиковым полом. Приметила в углу скромную табличку, обозначающую, где находится дамская комната. В помещении с приятным запахом и множеством зеркал она умыла многократно отраженное в них лицо и протерла его туалетной водой «Après L'Ondée», флакон которой, к счастью, лежал в ее маленьком чемоданчике, а не в сумочке-утопленнице. Гвен чувствовала себя липкой от пота, текшего из-под мышек, но что поделаешь. Она аккуратно заколола волосы, свернув их в узел на затылке. Волосы, говорил Лоуренс, ее главное украшение, венец славы – длинные, черные, завивавшиеся кольцами, когда распущены. Один раз она обмолвилась, что собирается коротко подстричься, как Фрэн, в стиле эмансипе. Лоуренс ужаснулся, вытянул из ее прически завиток волос, а потом наклонился к ней и потерся подбородком о макушку. Затем поднес ладони к вискам Гвен, запустил пальцы в ее волосы, приподнимая их, и посмотрел ей в глаза:

– Никогда не обрезай их. Обещай мне.

Она молча кивнула, не в силах произнести ни слова. Щекотное прикосновение его пальцев пробудило в ней массу доселе не испытанных ощущений.

Их брачная ночь была бесподобной, так же как и вся следующая неделя. В последнюю ночь оба они не спали. Лоуренсу пришлось подняться с постели до зари, чтобы успеть вовремя добраться до Саутгемптона и сесть на корабль, шедший на Цейлон. Хотя он и жалел, что она не едет с ним, у него были дела, и они посчитали, что время разлуки пройдет незаметно. Он не возражал, чтобы Гвен осталась и подождала сестру, но сама она пожалела об этом, стоило Лоуренсу уйти, и с трудом представляла себе, как будет жить без него. Потом, когда Фрэн задержалась в Лондоне – она сдавала внаем какую-то недвижимость, – Гвен решила, что поедет одна.

Девушка весьма привлекательная, Гвен не испытывала недостатка в поклонниках, однако в Лоуренса влюбилась с первого взгляда, как только увидела его на музыкальном вечере в Лондоне, куда ее привезла Фрэн. Стоило ему улыбнуться и подойти к ней с намерением представиться, как она пропала. После этого они встречались каждый день, и когда он сделал ей предложение, она подняла к нему пылающее лицо и без колебаний ответила: «Да». Ее родители не слишком обрадовались, что тридцатисемилетний вдовец захотел жениться на их дочери. Отца пришлось даже немного поугovarивать, однако его впечатлило предложение Лоуренса оставить вместо себя на плантации управляющего и вернуться жить в Англию. Гвен и слушать не хотела об этом. Если сердце Лоуренса принадлежало Цейлону, значит и ее сердце приютится там же.

Закрыв за собой дверь дамской комнаты, Гвен увидела Лоуренса – он стоял к ней спиной в просторном холле, – и у нее перехватило дыхание. Она потрогала ожерелье на шее, поправила центральную бусину в форме капли, чтобы висела прямо посередине, и, ошеломленная

наплывом чувств, замерла на месте, впитывая в себя образ мужа – высокого, широкоплечего; волосы короткие, светло-каштановые, с легкой проседью на висках. Выпускник Винчестерской школы, Лоуренс Хупер выглядел так, будто уверенность текла у него по венам. Это был человек, которого обожали женщины и уважали мужчины. Тем не менее он читал Роберта Фроста и Уильяма Батлера Йейтса. Гвен любила его за это и за то, что он уже знал: она была далеко не той скромной девушкой, какой ее считали посторонние.

Лоуренс словно почувствовал на себе взгляд жены и обернулся. В его огненных карих глазах промелькнуло облегчение, а лицо расплылось в улыбке, и он размашистым шагом направился к ней. Гвен находила особенно неотразимыми его точеные скулы и подбородок с ложбинкой, так же как и волосы, которые двумя пышными волнами были зачесаны назад и завихрялись на сдвоенной макушке. Так как Лоуренс был в шортах, Гвен увидела его загорелые ноги, в целом он выглядел гораздо более запыленным и потрепанным, чем в прохладе английского загородного дома.

Загоревшись энергией, Гвен бросилась навстречу мужу. Он мгновение подержал ее на расстоянии вытянутых рук, а потом по-медвежьки обнял, обнял так крепко, что она едва могла дышать, и закружил. Сердце у Гвен продолжало колотиться, даже когда он наконец отпустил ее.

– Ты не представляешь, как я скучал по тебе, – хрипловатым низким голосом сказал Лоуренс.

– Как ты узнал, что я здесь?

– Спросил управляющего портом, куда отправилась самая красивая на Цейлоне женщина.

– Это очень мило, – улыбнулась Гвен, – но, конечно, не про меня.

– Одна из самых восхитительных черт в тебе – та, что ты даже не представляешь, как хороша. – Он взял ее руки в свои. – Прости, что опоздал.

– Это не беда. Обо мне позаботился один человек. Он сказал, что знает тебя. Мистер Равасингхе – так, кажется, его зовут.

– Сави Равасингхе?

– Да. – Гвен ощутила покалывание сзади на шее.

Лоуренс нахмурился и прищурился, отчего стали глубже преждевременные морщины, веером расходившиеся по его лбу. Гвен захотелось прикоснуться к ним. Ее супруг успел пожить, и от этого ее влекло к нему еще сильнее.

– Ну ничего, – сказал Лоуренс, быстро возвращаясь к хорошему настроению. – Теперь я здесь. Проклятая машина сломалась. К счастью, Нику Макгрегору удалось ее починить. Назад ехать уже поздно, так что я закажу нам номер.

Они направились к стойке регистрации. Закончив переговоры с клерком, Лоуренс наклонился к Гвен, и, когда его губы коснулись ее щеки, у нее вырвался легкий вздох.

– Твой сундук доставят поездом, – сказал он. – По крайней мере, до Хаттона.

– Знаю. Я говорила с одним человеком в администрации порта.

– Хорошо. Макгрегор организует, чтобы какой-нибудь кули привез его со станции на воловьей повозке. Тебе хватит вещей в этом чемоданчике до завтра?

– Вполне.

– Хочешь чая?

– А ты?

– Сама как думаешь?

Гвен искоса глянула на него и улыбнулась, подавив невольный порыв рассмеяться во весь голос, а Лоуренс попросил клерка, чтобы их багаж быстро отнесли в номер.

Взявшись за руки, они стали подниматься по лестнице, но на повороте Гвен вдруг оробела. Лоуренс оставил ее и пошел вперед, отпер и распахнул дверь.

Гвен преодолела последние ступеньки и заглянула внутрь.

В высокие окна лился свет вечернего солнца, придавая стенам нежно-розовый оттенок; по обеим сторонам от кровати уже горели две лампы с расписными подставками в виде ваз; в комнате пахло апельсинами. Глядя на эту столь явно интимную обстановку, Гвен почувствовала прилив тепла на затылке и помассировала там кожу. Момент, столько раз рисовавшийся ей в воображении, наконец настал, а она нерешительно застыла на пороге.

– Тебе не нравится? – спросил Лоуренс, при этом глаза его сияли; Гвен ощутила биение пульса в горле. – Дорогая?

– Мне очень нравится, – выдавила она.

Он подошел и распустил ее скелотые шпильками волосы:

– Вот. Так лучше. – (Гвен кивнула.) – Сейчас принесут наши вещи. Думаю, у нас есть немного времени, – сказал Лоуренс и прикоснулся кончиком пальца к ее нижней губе, но тут как по команде раздался стук в дверь.

– Я открою окно, – пролепетала Гвен и отступила назад, радуясь, что подвернулся предлог не выказывать перед коридорным своего глупого волнения.

Окно выходило на океан, и Гвен, открыв его, увидела серебристо-золотую рябь – солнце цепляло лучами верхушки волн. Да, именно этого она хотела, но неужели они с Лоуренсом провели вместе неделю в Англии? И дом остался так далеко. Эта мысль привела Гвен на грань слез. Она с закрытыми глазами слушала, что происходит в номере: коридорный внес багаж и ушел. Тогда Гвен оглянулась через плечо на Лоуренса.

Он криво улыбнулся ей:

– Что-нибудь не так? – (Понурился плечи, она уставилась в пол.) – Гвен, посмотри на меня.

Она часто заморгала, и в комнате воцарилась тишина. Мысли роились у нее в голове, она подыскивала слова, чтобы объяснить свое ощущение, будто ее катапультой забросили в совершенно незнакомый мир, хотя дело было не только в этом – чувство, что она стоит перед ним голой, тоже нервировало. Пытаясь побороть смущение, Гвен подняла глаза и очень медленно сделала несколько шагов к мужу.

Он вздохнул с облегчением:

– Я уже стал беспокоиться.

Ноги у нее задрожали.

– Я веду себя глупо. Все так ново... Ты такой новый.

Лоуренс улыбнулся и подошел к ней:

– Ну, если дело лишь в этом, то мы все легко поправим.

Гвен прильнула к нему, чувствуя головокружение, а он стал возиться с застежкой на спинке платья.

– Давай я, – сказала она и, запустив руку назад, сняла с пуговицы петельку. – Тут нужна сноровка.

– Придется мне поучиться, – засмеялся Лоуренс.

Час спустя Лоуренс уже спал. Подпитанная долгим ожиданием, их любовная близость была еще более пылкой, чем в брачную ночь. Гвен вспомнила свое прибытие на Цейлон: казалось, жаркое солнце Коломбо высосало из ее тела всю энергию. Она ошиблась. Энергии у нее осталось в избытке, хотя сейчас, лежа и прислушиваясь к ниточкам звуков, тянувшихся из внешнего мира, Гвен ощутила тяжесть в руках и ногах и готова была провалиться в сон. Она начала сознавать, как естественно ей лежать рядом с Лоуренсом, и, улыбнувшись при мысли о своей прежней нервозности, устроилась поудобнее, чтобы смотреть на мужа и ощущать тепло его тела в тех местах, где он словно приклеился к ней. Очищенная от всех прочих эмоций, ее любовь целиком перетекла в этот прекрасный момент. Все будет хорошо. Еще минуту или две она вдыхала мускусный запах Лоуренса, следя за тем, как тени в комнате удлиняются. Затем они быстро растворились в темноте; Гвен глубоко вдохнула и закрыла глаза.

Глава 2

Два дня спустя Гвен на заре разбудил солнечный свет, бивший в комнату сквозь муслиновые занавески. Она сразу подумала о завтраке с Лоуренсом, после которого должен состояться грандиозный тур по поместью. Сев на краю постели, она расплела косы, потом спустила ноги на пол, и они утонули в мягком меховом ковре. Она глянула вниз и пошевелила пальцами в пушистой белизне: интересно, какому зверю принадлежала эта шкура? Встав с постели, она накинула бледно-розовый халат, заботливо повешенный кем-то на спинку стула.

Они прибыли на плантацию рядом с горной деревушкой накануне вечером, как раз перед заходом солнца. С раскальвавшейся от усталости головой, ослепленная яростными пурпурно-красными красками заката, Гвен рухнула в постель.

Теперь она по дощатому полу подошла к окну и раздвинула шторы. Глубоко вдохнула, глядя в первое утро своего нового мира, и прищурилась от его яркости, оглушенная шквалом жужжания, свиста и чирикания.

Перед ней тремя террасами спускался вниз по склону холма к озеру цветущий сад с дорожками, лесенками и притулившимся под деревьями скамьями. Такого прекрасного, сверкавшего серебром озера Гвен никогда еще не видела. Все воспоминания о вчерашней автомобильной поездке с ужасающе крутыми, как изгиб шпильки для волос, поворотами, глубокими ущельями и тошнотворными толчками на ухабах моментально смыло. За озером поднимались вверх по склону и окружали зеркало воды ковром зеленого бархата длинные ряды чайных кустов, такие ровные и симметричные, будто их простегали нитью. Среди них сборщицы чая в ярких сари уже занимались своим кропотливым делом. Издали они напоминали вытканых на ковре разноцветных птиц, застывших на миг, прежде чем схватить что-нибудь в клюв.

Под окном спальни росло грейпфрутовое дерево, а рядом с ним еще одно, которое Гвен не могла опознать, но на нем висели ягоды вроде вишен. Надо бы нарвать их к завтраку, решила она. На столике внизу сидело какое-то маленькое создание – не то мартышка, не то сова – и смотрело на нее круглыми как блюдца глазами. Гвен оглянулась на огромную кровать с пологом, завешенную москитной сеткой. Атласное покрывало на одной стороне постели было едва смято, и она подумала: странно, что Лоуренс не присоединился к ней. Вероятно, он хотел дать ей спокойно выспаться после поездки и ушел в свою комнату. Услышав скрип открываемой двери, Гвен повернула голову:

– О, Лоуренс, я...

– Леди. Вы должны знать. Я Навина. Здесь, чтобы служить вам.

Гвен уставилась на низенькую коренастую женщину, одетую в длинную сине-желтую юбку с запахом и белую блузу, и отметила про себя, что она немолода: седеющая коса до самого пояса, круглое лицо, сплошь покрытое морщинами, и бесстрастные глаза с темными кругами под ними.

– Где Лоуренс?

– Хозяин на работе. Два часа, как ушел.

Гвен, расстроенная, отошла от окна и села на постель.

– Вы хотите завтрак там? – Служанка указала на маленький столик за окном. Последовала пауза, в продолжение которой женщины смотрели друг на друга. – На веранде?

– Я бы хотела сперва умыться. Где тут ванная?

Навина пересекла комнату, от ее волос и одежды на Гвен пахнуло каким-то необычным пряным ароматом.

– Вот, леди, – сказала она. – За ширмой ваша купальная комната, но туалетный кули еще не пришел.

– Туалетный кули?

– Да, леди. Скоро будет.

– Вода горячая?

Женщина покачала головой, будто описывая в воздухе узкие восьмерки. Гвен не поняла, означало это «да» или «нет», и решила, что служанка, должно быть, так выразила неуверенность.

– Тут есть дровяной котел, леди. Дерево альбиция. Горячая вода приходит утром и вечером, один час.

Гвен вскинула голову и постаралась произнести с уверенностью, какой на самом деле не ощущала:

– Отлично. Я умоюсь, а потом позавтракаю на улице.

– Очень хорошо, леди. – Навина указала на французские окна. – Они открываются на веранду. Я буду приходить и уходить. Носить вам чай.

– Что там за зверь?

Служанка повернулась посмотреть, но на столике уже никого не было.

В полном контрасте с душающей, влажной жарой Коломбо утро здесь было хотя и солнечным, но немного прохладным. После завтрака Гвен сорвала с дерева вишню; ягода была красивая, темно-красная, но, когда она ее надкусила, вкус оказался кислый, пришлось ее выплюнуть. Накинув на плечи шаль, Гвен отправилась осматривать дом.

Прежде всего она исследовала широкий коридор с высоким потолком, тянувшийся вдоль всего дома. Темный деревянный пол поблескивал, на стенах по всей длине висели масляные лампы. Гвен принялась. Она ожидала, что здесь будет пахнуть сигарным дымом, как и было на самом деле, но ощущался также сильный запах кокосового масла и душистой мастики. Лоуренс называл этот дом бунгало, но Гвен заметила широкую тиковую лестницу, которая вела из просторного холла на второй этаж. По другую сторону лестницы у стены стоял красивый, инкрустированный перламутром шифоньер, а рядом с ним находилась дверь. Гвен открыла ее и вошла в большую гостиную.

Удивленная ее размерами, она глубоко вдохнула, открыла ставни на одном из расположенных вдоль всей стены окон и увидела, что эта комната тоже выходит на озеро. Внутрь хлынул свет. Гвен огляделась. Стены гостиной были окрашены в самый нежный голубовато-зеленый цвет, какой только можно представить, и это придавало ей весьма свежий вид. Дополняли обстановку уютные кресла и два светлых дивана, заваленные вышитыми подушками с изображениями птиц, слонов и экзотических цветов. На спинке одного дивана лежала шкура леопарда.

Гвен ступила на сине-кремовый персидский ковер – их тут было два – и закружилась, раскинув руки. Да, здесь очень мило. Действительно мило.

Ее испугало глухое рычание. Она глянула вниз и увидела, что отдала лапу спящей собаке – черной, с гладкой шерстью. Похоже, это был лабрадор, очень ухоженный, но не совсем обычный. Гвен шарахнулась назад, опасаясь, как бы пес ее не укусил. В этот момент в комнату почти беззвучно вошел мужчина средних лет. Узкоплечий, с мелкими чертами лица и шафраново-коричневой кожей, он был одет в белый *саронг*, белый пиджак и белый же тюрбан.

– Старого пса зовут Таппер, леди. Любимая собака хозяина. Я дворецкий, а это – второй завтрак. – Он приподнял поднос, который держал в руках, после чего поставил его на маленький столик. – Наш собственный листовой оранж пекое.

– Правда? Я только что позавтракала.

– Хозяин вернется после двенадцати. Вы услышите гудок для работников, и потом он появится здесь. Там журналы для вас. – Он указал на деревянную стойку у камина. – Можете почитать.

– Благодарю.

Камин был большой, обложенный камнем, с медными щипцами, совком и кочергой, обычными атрибутами очага, по соседству с ними стояла гигантская корзина, доверху набитая поленьями. Гвен улыбнулась. Впереди уютный вечер – они вдвоем, обнявшись, будут сидеть перед огнем.

До возвращения Лоуренса оставался всего час, поэтому, не притронувшись к чаю, Гвен решила осмотреть дом снаружи. Вчера они подъехали к нему на новом «даймлере» Лоуренса уже в сумерках, и она не смогла разглядеть фасад. Отыскав обратный путь по коридору в главный холл, Гвен открыла одну створку темных двойных дверей с симпатичным веерообразным окошком наверху и оказалась на крыльце под тенистым навесом. Гравийная дорожка, обсаженная цветущими тюльпанными деревьями попеременно с пальмами, зигзагами уходила от дома вверх, в горы. Несколько опавших цветков лежали на краю газона, будто там сами по себе выросли тюльпаны.

Гвен хотелось прогуляться в горы, но сперва она завернула за угол, где находилась крытая терраса. Из нее тоже открывался вид на озеро, но немного под другим углом, чем в ее комнате. Крышу террасы, своеобразный портик, поддерживали восемь колонн из темного дерева, пол был мраморный, мебель из ротанга, а стол уже накрыт к обеду. Вверх по одной из колонн проскакала и скрылась за балкой шустрая белка. Это вызвало у Гвен улыбку.

Вернувшись к входу в дом, она пошла по гравийной дорожке, пересчитывая деревья. Чем выше она поднималась, тем сильнее покрывалась потом, но решила не оглядываться, пока не досчитает до двадцати. Гвен считала и вдыхала аромат персидских роз, а жара тем временем усиливалась, хотя, к счастью, не доходила до точки кипения, как в Коломбо. По обеим сторонам дорожки росли кусты с крупными листьями в форме сердца и персиково-белыми цветами.

На двадцатом дереве Гвен скинула с себя шаль и обернулась. Все сверкало: озеро, красная крыша дома, даже сам воздух. Она сделала глубокий вдох, как будто так хотела впитать в себя каждую частичку этой красоты: душистые цветы, ошеломляющий пейзаж, светящуюся зелень покрытых чайными кустами склонов, пение птиц. Голова кружилась. Все пребывало в движении, и воздух, наполненный кипучей жизнью, звенел от беспрестанной суеты.

С этой выгодной точки обзора дом был как на ладони. Высокая задняя часть его шла параллельно озеру, справа к ней примыкала терраса, и с одной стороны была сделана пристройка, так что в плане дом представлял собой букву «Г». Рядом с пристройкой имелся двор, от которого шла дорожка, исчезающая за стеной из высоких деревьев. Гвен сделала еще несколько живительных глотков чистейшего воздуха.

Тишину нарушил отвратительный звук полуденного гудка. Она потеряла счет времени, но сердце у нее на миг замерло, когда она заметила Лоуренса, шагавшего к дому вместе с каким-то незнакомым мужчиной. Ее муж явно был в своей стихии, энергичный и деловитый. Гвен закинула шаль на плечо и припустила к дому. Однако спуск по склону оказался не таким удобным, как подъем. Через пару минут она поскользнулась на гравии, зацепилась носком туфли за торчавший из земли корень, потеряла равновесие и упала лицом вперед, так сильно ударившись о землю, что у нее перехватило дыхание.

Когда она обрела способность нормально дышать и попыталась встать на ноги, левая лодыжка у нее подкосилась. Гвен потеряла ссадину на лбу, у нее закружилась голова, она села на землю и ощутила начало приступа головной боли, причиной которого стал солнцепек. Утром было так свежо, что она и не подумала надеть шляпу. Из-за деревьев раздался какой-то страшный визг. Так мог кричать от боли кот или ребенок, а может, шакал. Ей не хотелось ждать, чтобы узнать, кто это был. Она заставила себя подняться, на этот раз сжав зубы, чтобы не спасовать перед болью, и заковыляла вниз, к дому.

Как только Гвен показалась на дорожке против входа, Лоуренс вышел из дому и заторопился к ней.

– Как я рада тебя видеть! – крикнула она, и дыхание у нее участилось. – Я пошла наверх, чтобы полюбоваться видом, но упала.

– Дорогая, это небезопасно. Там встречаются змеи. Травяные, древесные. Змеи, которые избавляют сад от крыс. Всякие кусачие муравьи и жуки. Лучше не ходи никуда одна. Пока что.

Гвен указала рукой туда, где женщины собирали чай:

– Я не такая неженка, какой выгляжу, и там были те женщины.

– Тамилы знают эту землю, – сказал Лоуренс, подойдя к жене. – Ну ничего, держись за мою руку, и мы доберемся до дому. Я попрошу Навину перевязать тебе лодыжку. И могу вызвать из Хаттона местного доктора, если хочешь.

– Навину?

– Айю.

– Ах да.

– Она ухаживала за мной, когда я был ребенком, и я очень привязан к ней. Когда у нас появятся дети... – Гвен подняла брови и медленно улыбнулась ему; Лоуренс усмехнулся, а потом закончил фразу: – Она будет нянчить их.

Гвен погладила его по руке:

– А чем буду заниматься я?

– Тут много дел. Ты скоро узнаешь.

По пути к дому Гвен ощущала тепло его тела. Несмотря на боль в лодыжке, она испытала знакомый трепет и подняла руку, чтобы потрогать глубокую ложбинку на подбородке Лоуренса.

Как только ее нога была перевязана, они уселись на террасе.

– Ну, – произнес Лоуренс, и глаза у него заискрились. – Тебе нравится то, что ты видишь?

– Это прекрасно, дорогой. Я буду счастлива здесь с тобой.

– Я виноват, что ты упала. Хотел поговорить с тобой вчера вечером, но у тебя болела голова, и я решил подождать. Мне нужно объяснить тебе некоторые мелочи.

Гвен подняла на него глаза:

– О?

Морщины на лбу Лоуренса залегли глубже, и когда он прищурился, стала ясна причина этого – жгучее солнце.

– Для своего же блага не встревай в дела работников. Тебе не нужно беспокоиться о том, что происходит в рабочих линиях.

– А что это такое?

– Место, где живут работники плантаций и их семьи.

– Но это, должно быть, очень интересно.

– Честно говоря, смотреть там особо не на что.

Гвен пожала плечами:

– Что-нибудь еще?

– Лучше не ходи по округе одна. – (Она фыркнула.) – Пока не освоишься здесь.

– Хорошо.

– Позволяй Навине видеть тебя в ночной сорочке. Она будет приходить в восемь утра и приносить тебе «постельный чай» – так они это называют.

Гвен улыбнулась:

– А ты будешь пить со мной постельный чай?

– При любой возможности.

Она послала ему через стол воздушный поцелуй:

– Не могу дождаться.

– Я тоже. И вот еще: ни о чем не волнуйся. Ты скоро поймешь, как тут и что. Завтра познакомишься с женами других плантаторов. Флоранс Шуботэм – забавная старая птичка, но она может быть тебе очень полезна.

– Мне больше нечего надеть.

– Моя девочка, – улыбнулся Лоуренс. – Макгрегор уже послал кого-то с воловьей упряжкой забрать твой сундук со станции в Хаттоне. Позже я представлю тебе слуг. Но по-моему, какой-то ящик от «Селфриджеса» уже дожидается внимания хозяйки. Полагаю, в нем вещи, которые ты заказала перед отъездом?

Гвен в восторге раскинула руки. Ей вдруг стало веселее при мысли об уотерфордском хрустале и восхитительном новом вечернем наряде. Платье было что надо – короткое, с несколькими слоями серебристо-розовых оборок. Она вспомнила тот день в Лондоне, когда Фрэн настояла, чтобы его сшили. Всего полторы недели – и Фрэн тоже будет здесь. Над столом порхнула галка и в мгновение ока стащила хлебец из корзины. Гвен захохотала, и Лоуренс подхватил ее смех.

– Тут много разных животных. Я видела полосатую белку, она забежала под крышу веранды.

– Их две. Они устроили там гнездо. От них никакого вреда.

– Мне это нравится.

Гвен прикоснулась к руке мужа, а он, взяв ее пальцы, поднес их к губам и поцеловал:

– Одна последняя вещь. Я почти забыл, но, вероятно, это самое важное. Домашние дела полностью на тебе. Я не стану ни во что вмешиваться. Прислуга отвечает перед тобой, и только перед тобой. – Он помолчал. – Вероятно, ты обнаружишь, что тут все немного запущено. Люди слишком долго были предоставлены самим себе. Не исключено, что тебе предстоит борьба, но, я уверен, ты вернешь им форму.

– Это развлечет меня, Лоуренс. Но ты так и не рассказал мне почти ничего о самом имени.

– Ну, трудятся здесь в основном тамилы. Они прекрасные работники, в отличие от большинства сингалов. У нас тут их живет по крайней мере тысячи полторы. Для них организовано нечто вроде школы, бесплатная аптека, им оказывают первичную медицинскую помощь. У них много разных льгот, есть магазин, им дают субсидии на рис.

– А само производство чая?

– Это делают на нашей чайной фабрике. Процесс трудоемкий и длительный, но я тебе как-нибудь покажу, если хочешь.

– Хочу.

– Хорошо. Значит, мы со всем разобрались, и я предлагаю тебе отдохнуть после обеда, – сказал Лоуренс, вставая.

Гвен посмотрела на остатки трапезы и обхватила себя руками. Потом глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Ну вот, время пришло. Когда Лоуренс наклонился поцеловать ее в лоб, она закрыла глаза и не могла сдержать радостной улыбки, однако, открыв их, поняла, что он собрался уходить.

– Увидимся вечером. Мне очень жаль, дорогая, но я должен встретиться с Макгрегором. В четыре часа дадут гудок на чайной фабрике, и тогда я буду далеко от дома, а ты спи.

Гвен почувствовала тепло слез под веками и утерла глаза столовой салфеткой. Она знала, какой занятой человек Лоуренс, и, конечно, плантация стояла для него на первом месте, но ей показалось или ее милый, нежный супруг немного отдалился от нее?

Глава 3

На следующий вечер Гвен стояла у окна и любовалась закатом. Небо и водная гладь стали почти одинаково золотистыми, озеро обрамляли холмы разных оттенков сепии. Она отошла от окна и оделась очень тщательно, потом придирчиво взглянула на свое отражение в зеркале. Служанка помогла ей украсить серебряными бусинами волосы, скрученные в тяжелый узел на затылке, однако Гвен вытащила из него один завиток. Лоуренс устроил небольшую вечеринку, чтобы представить ее в качестве новой хозяйки плантации Хупера, и она хотела выглядеть наилучшим образом, хотя свое новое платье решила поберечь до приезда Фрэн. Тогда они будут вместе учиться танцевать чарльстон.

Сегодня Гвен надела платье из светло-зеленого шелка с кружевной оборкой вдоль выреза, более низкого, чем она привыкла. Разумеется, оно было с заниженной талией и шифоновой юбкой годе, остроконечные клинья которой образовывали опасно короткий подол. В дверь постучали.

– Войдите.

Лоуренс толкнул дверь и остановился на пороге, слегка расставив ноги. Они посмотрели друг на друга.

Он был в черном костюме с белой рубашкой, белым жилетом и белым же галстуком-бабочкой, волосы попытался разделить пробором. Под долгим взглядом мужа Гвен ощутила дрожь и задержала дыхание.

– Я... Ты... Боже мой, Гвендолин! – Он сглотнул.

– Ты сам выглядишь превосходно, Лоуренс. Я уже почти привыкла видеть тебя в шортах. Он подошел, обнял ее и поцеловал в шею сзади за ухом:

– Ты выглядишь умопомрачительно!

Гвен обожала ощущение его теплого дыхания на коже и предвкушала восхитительную ночь. Кто мог сомневаться в таком мужчине, как Лоуренс? Он дышал энергией и был полон сил, достаточно всего лишь оказаться рядом с ним, чтобы почувствовать себя желанной и защищенной, ничего плохого с тобой просто не может произойти там, где он.

– Я не шучу. В этом платье ты посрамишь остальных дам.

Гвен посмотрела на свое мерцающее платье:

– Оно довольно короткое.

– Нам всем иногда нужно немного встряхнуться. Не забудь свое боа. Даже при зажженном камине после захода солнца тут бывает прохладно. Ты, наверное, уже сама это заметила.

Вчера Лоуренс был занят делами поместья, так что уютный вечер вдвоем перед камином не состоялся. Около девяти по одному, в порядке старшинства, начали появляться слуги. Сперва отвечавший за весь дом дворецкий в белом тюрбане, потом главный повар, или *анпу*, как его называли, который то ли был лыс, то ли сбрасывал волосы до макушки, а оставшиеся скручивал в затейливый узел. В чертах его лица проглядывало что-то восточноазиатское, будто он имел предков в Индокитае, и обычно поверх синего с золотом *саронга* повар носил длинный белый передник. Навина пришла с кружкой горячего козьего молока, подслащенного медом вместо *джаггери* – патоки из пальмового сахара; она посчитала нужным упомянуть об этом и с очаровательной улыбкой пожелала хозяйке доброй ночи. За ней последовали пятеро мальчиков-слуг, которые выстроились в ряд и хором сказали: «Спокойной ночи»; наконец настала очередь кухонных кули – те лишь молча опустили глаза на босые ступни и поклонились. Вскоре после завершения этого отработанного ритуала прощания на ночь Гвен легла спать одна, сославшись на больную лодыжку. Сейчас она улыбнулась при мысли о том, как странно все это было.

– Что тебя развеселило? – спросил Лоуренс.

- Я подумала о слугах.
- Ты скоро к ним привыкнешь.

Лоуренс поцеловал ее в губы, и она почувствовала запах мыла и лимона на его коже. Рука об руку они вышли из комнаты и направились в гостиную выпить по коктейлю перед ужином.

- Чем пахнет от женщины-служанки? – спросила Гвен.
- Ты говоришь о Навине?

– Да.

– Не знаю. Вероятно, это смесь кардамона и мускатного ореха. Сколько себя помню, от нее всегда так пахло.

- Давно она здесь работает?
- С тех пор, как мать отыскала ее и сделала моей *айей*.
- Бедная Навина. Могу представить, как ты мальчишкой с диким топотом носился по дому.

Лоуренс засмеялся:

– Мать собирала что-то вроде семейного архива: письма, фотографии, свидетельства о рождении, записи о браках, ну, знаешь, всякое такое. Думаю, там могут найтись фотографии Навины в молодости.

– Я бы с удовольствием взглянула. Мне хочется знать о тебе все.

– Я и сам не видел этого архива целиком. Верити хранит коробку с ним в Англии. Мне так не терпится познакомить тебя с ней, ну да что там.

– Жаль, что она пропустила нашу свадьбу. Может, твоя сестра привезет с собой этот семейный архив, когда приедет в гости?

- Конечно, – кивнул Лоуренс.
- А Навина была и *айей* Верити?

– Нет, у Верити до отъезда в пансион няней была женщина помоложе. Когда умерли наши родители, Верити сильно переживала, бедная девочка. Ей было всего десять.

– А что случится, когда Навина состарится и больше не сможет работать?

– Мы позаботимся о ней, – сказал Лоуренс и открыл высокое французское окно. – Пройдем через веранду.

Гвен шагнула вперед и засмеялась. На улице стоял оглушительный гомон: *рат-та-та, тви-тви, тап-тап*. Птичьи крики, свист и утробное кваканье доходили до крещендо, смолкали и начинались заново. Слышались журчание бегущей воды и громкое *скри-скри-скри* — влажный воздух наполнился пением цикад. Гвен невольно улыбнулась, не в силах скрыть удовольствия от этого многозвучного концерта.

Над темными кустами металась светящаяся огоньки.

– Светлячки, – сказал Лоуренс; Гвен заметила у озера горящие факелы. – Я думал, мы потом совершим ночную прогулку. Озеро великолепно, когда его освещают только факелы и луна... И ночью меньше вероятность наткнуться на водяных быков. У них плохое зрение, поэтому они предпочитают заходить в воду посреди дня, когда светло и жарко.

– Боже, правда?

– Не сомневайся, они опасны и могут забодать или затоптать, если находятся в особенно агрессивном настроении. Но беспокоиться не стоит, у нас тут водяные быки редкость. Это наверху, в долине Хортон, их множество.

Первой в гостиной появилась Флоранс Шуботэм со своим мужем Грегори, и пока Лоуренс и мистер Шуботэм разговаривали у буфета с напитками, Гвен пила шерри и беседовала с его супругой. Женщина эта, одетая в бледно-желтое с цветочным рисунком платье длиной почти до лодыжек, была в теле, имела характерные для англичанок широкие бедра при довольно узких плечах и обладала высоким скрипучим голосом, который звучал странно из уст такой корпулентной особы.

– Так вы совсем молоденькая? – произнесла Флоранс, и ее двойной подбородок заходил ходуном. – Надеюсь, вы сможете освоиться здесь.

Гвен силилась не рассмеяться:

– Освоиться?

Флоранс надавила рукой на диванную подушку, которая была у нее за спиной, потом вытащила ее, положила себе на колени и придвинулась к Гвен. У миссис Шуботэм были низкий лоб и почти совсем седые волосы, кудрявые и, судя по всему, довольно непокорные. На Гвен пахло джином и не слишком тщательно вымытым телом.

– Я уверена, вы скоро обвыкнетесь с нашими порядками. Послушайтесь моего совета, деточка, и, чем бы вы ни занимались, не сходите слишком близко со слугами. Это не годится. Они этого не оценят и перестанут уважать вас.

– В Англии я всегда относилась по-дружески к нашей горничной.

– Здесь все иначе. Темные расы другие, понимаете? Доброта не приносит им ничего хорошего. Совсем ничего. А метисы и того хуже. – (Прибывали новые пары. Гвен забеспокоилась. Она знала слово «метис», но ей неприятно было слышать, как его используют в таком смысле.) – Относитесь к ним как к детям и присматривайте за своим *дхоби*. Только на прошлой неделе я заметила, что мою китайскую шелковую пижаму подменили на какое-то старье, которое, наверное, раздобыли на уличном базаре в Хаттоне.

Гвен совершенно смешалась и начала паниковать. Как могла она присматривать за *дхоби*, когда вообще не знала, кто или что это такое?

Она окинула глазами комнату. Предполагалось, что это будет скромный ужин с несколькими гостями, но в гостиной собралось уже не меньше дюжины пар, и оставалось еще много мест для других. Гвен попыталась поймать взгляд мужа, но едва не рассмеялась, увидев, что Лоуренс увлечен разговором с лысым и чрезвычайно лопухим мужчиной: уши у него торчали буквально под прямым углом к голове. Человек-чайник.

– Вероятно, обсуждают цены на чай, – сказала Флоранс, проследив за ее взглядом.

– Есть какие-то проблемы?

– О нет, дорогая. Совсем наоборот. У всех тут дела идут превосходно. Новый «даймлер» вашего мужа – прекрасное тому подтверждение.

– Так это здорово, – улыбнулась Гвен.

Стоявший у дверей мальчик-слуга в белом кителе ударил в медный гонг.

– Но вы не волнуйтесь, если что, спросите меня. Я рада помочь. Сама хорошо помню, каково это – быть молоденькой и только что выйти замуж. Столько всего нового.

Флоранс отложила в сторону подушку и протянула руку. Гвен сообразила, что это сигнал ей встать и помочь старой даме подняться.

При зажженных серебряных канделябрах столовая выглядела очень уютно. Все блестело и сверкало, в воздухе пахло душистым горошком – цветы в невысоких вазах расставили в разных местах. Гвен заметила ухоженную моложавую женщину, широко улыбающуюся Лоуренсу. У нее были зеленые глаза, выдающиеся скулы и длинная шея. Светлые волосы спереди обрамляли лицо, как при стрижке «волнистый боб», но когда женщина отвернулась, Гвен увидела, что волосы у нее длинные и скручены в элегантный узел. Она была буквально увешана рубинами, а одета довольно просто, в черное. Гвен попыталась встретиться с ней взглядом, надеясь, что они скоро смогут стать приятельницами.

Кроткий с виду мужчина в очках, сидевший слева от Гвен, представился как Партридж. Она отметила про себя его слегка выступающий подбородок, маленькие щетинистые усики и добрые серые глаза. Он выразил надежду, что она постепенно обживется здесь, и попросил называть его Джоном.

Они поболтали о том о сем еще немного, глаза всех гостей были прикованы к Гвен, но вскоре разговор перешел на последние слухи из Нувара-Элии – зазвучали незнакомые имена

и слова о том, кто что кому сделал и почему. Большая часть этих фраз была для Гвен полной бессмыслицей. Людей, о которых шла речь, она не знала, а потому едва ли могла всерьез заинтересоваться беседой. Только когда чаоторговец стукнул кулаком по столу и в комнате вдруг воцарилась тишина, она включилась и стала внимательно слушать.

– Это позор, если вы позволите мне выразить свое мнение. Надо было перестрелять большую часть из них.

Послышалось несколько негромких возгласов: «Слушайте, слушайте!», а оратор тем временем продолжил свою обличительную речь.

– О чем они говорят, Джон? – прошептала Гвен.

– Недавно в Канди¹ произошла стычка. Кажется, британское правительство обошлось с ее виновниками довольно сурово. И это вызвало бунт. Ходят слухи, что это был протест не против британцев вообще, но что-то связанное с памятными цветами².

– Значит, мы в безопасности?

– Да, – кивнул Партридж. – Но это дает повод старым служакам поораторствовать. Все началось лет десять назад, когда британцы расстреляли сходку мусульман. Это было ошибкой.

– Звучит не очень приятно.

– Да. Видите ли, Цейлонский национальный конгресс пока не требует независимости, только большей автономии. – Он покачал головой. – Но если вы спросите меня, нам нужно действовать осторожнее. Учитывая, какие события происходят в Индии, пройдет совсем немного времени, и Цейлон последует ее примеру. Это еще только начало, помяните мои слова, проблемы назревают.

– Скажите, вы социалист?

– Нет, моя дорогая, я врач.

Гвен улыбнулась, заметив веселые искорки в глазах своего собеседника, но потом взгляд Партриджа посерьезнел.

– Проблема в том, что только трое кандийцев были избраны в совет, поэтому в нынешнем году некоторые из них покинули Цейлонский национальный конгресс и создали вместо него Кандийскую национальную ассамблею. Вот за чем нам нужно проследить, да еще за Молодой ланкийской лигой, которая начинает создавать оппозицию британцам.

Гвен взглянула на сидевшего на другом конце стола Лоуренса, надеясь, что он подаст ей знак, мол, мужчины не против, чтобы дамы удалились, но тот, прищурив глаза, смотрел куда-то вдаль.

– Мы кормим их, – говорил другой мужчина, – заботимся о них, даем им крышу над головой. Все это более чем удовлетворяет требуемым стандартам. Чего еще они хотят? Лично я...

– Но мы можем сделать гораздо больше, – перебивая его, спокойно заговорил Лоуренс, он не горячился, держал эмоции под контролем. – Я построил школу, но дети туда почти не ходят. Пора найти какое-то решение.

Волосы вздыбились у него надо лбом – верный знак, что он ерошил их руками, и Гвен поняла, что ее супруг привык делать так, когда испытывал нервное напряжение. Это придавало Лоуренсу моложавый вид, и ей отчаянно захотелось обнять его.

Доктор похлопал ее по руке:

¹ *Канди* – государство, существовавшее в центральной части острова Шри-Ланка с XV по XIX в. В 1815 г. оккупировано британскими войсками и включено в состав королевской колонии Цейлон.

² *Памятные цветы* – акции борцов за независимость Цейлона, которые устраивали в противовес ежегодной продаже маков 11 ноября, в день подписания в 1918 г. Компьенского перемирия, послужившего прологом к окончанию Первой мировой войны. Цейлонские активисты продавали в этот день цветы тюльпанного дерева и направляли доходы на поддержку нуждавшихся местных жителей.

– Цейлон – это... ну... Цейлон – это Цейлон. Вы скоро составите о нем собственное мнение, – сказал он. – До перемен еще далеко, но мы не останемся глухими к призыву Ганди о *сварадже* для всех.

– Сварадже?

– Самоуправлении.

– Понимаю. Это будет плохо?

– На данном этапе никто не знает.

После ухода гостей Лоуренс вошел в комнату Гвен и, раскинув руки, упал на постель. Она разволновалась. В камине горели поленья, и в комнате было очень тепло. Как же их прогулка к озеру?

– Иди сюда, дорогая, – сказал он. – Иди ко мне. – Гвен подошла и, не раздеваясь, легла рядом с ним поверх покрывала. Лоуренс приподнялся на локтях и улыбнулся. – Боже, как же ты хороша!

– Лоуренс, а кто такая эта блондинка в черном? Мне не удалось поговорить с ней.

– В черном?

– Да. Такая была всего одна.

Он сдвинул брови:

– Ты, должно быть, имеешь в виду Кристину Брэдшоу. Она вдова, американка. Ее мужем был банкир Эрнест Брэдшоу. Вот откуда у нее столько украшений.

– Она не похожа на скорбящую вдову. – Гвен помолчала, глядя на умное, красиво очерченное лицо мужа. – Лоуренс, ты меня любишь?

Он удивился:

– К чему этот вопрос?

Гвен закусила губу, размышляя, как лучше выразить свою мысль.

– Но ты не... Я хочу сказать, что чувствовала себя немного одиноко с момента приезда на плантацию. Я хочу чаще бывать с тобой.

– Ты со мной сейчас.

– Я не о том. – Последовала недолгая пауза, Гвен мялась, чувствуя неуверенность в себе. – Что за дерево растет под моим окном? – спросила она. – Оно похоже на вишню.

– О боже, ты ведь не пробовала с него ягоды, а? – (Гвен кивнула.) – Они горькие. Из них тут готовят *чатни*. Я никогда их в рот не беру.

Вдруг Лоуренс закатился на нее, придавливая к постели, и поцеловал в губы. Ей понравился слабый запах алкоголя в его дыхании, и, возбужденная предвкушением, она приоткрыла рот. Он обвел его пальцем, и она почувствовала, как все ее мышцы расслабились, но затем случилось нечто странное. Лоуренс затаил дыхание и весь напрягся. Гвен уловила в его глазах тревогу. Она погладила мужа по щеке, чтобы это выражение пропало, но Лоуренс молча посмотрел на нее – почти что сквозь нее, словно не знал, кто она такая, и вдруг быстро сглотнул, встал и вышел из комнаты.

На мгновение Гвен застыла в неподвижности, потом выскочила за дверь, чтобы позвать его, однако, сделав несколько шагов по коридору, увидела, что Лоуренс уже поднимается по лестнице. Не желая, чтобы кто-нибудь из слуг увидел, как она гоняется за мужем, Гвен вернулась в свою комнату, а оказавшись внутри, прислонилась спиной к стене, чтобы выровнять дыхание. Она закрыла глаза и отдалась ощущению пустоты и одиночества. Видение освещенного факелами озера больше не манило ее. Что такое с Лоуренсом?

Гвен разделась и забралась в постель. Привыкшая к открытому выражению эмоций, она чувствовала смятение и очень хотела, чтобы Лоуренс заключил ее в объятия; тоска по дому волной накатила на нее. Отец похлопал бы ее по руке и сказал: «Выше голову», а мать, вероятно, бросила бы на нее сочувственный взгляд и принесла кружку какао. Кузина Фрэн, изобра-

зив на лице напускную строгость, велела бы ей не вешать нос. Гвен хотелось больше походить на сестру. Никто не одобрял Фрэн, когда та отправилась к медиуму, мадам Состаржински, но она все равно пошла, и кто стал бы винить бедняжку после того, как ее родители трагически погибли при крушении «Титаника».

Беспокойство из-за Лоуренса не давало Гвен уснуть, и, чувствуя, что ей, вероятно, предстоит провести бессонную ночь, она лежала на спине и тарасилась в темноту. У него, наверное, есть причины так вести себя, размышляла она, но как объяснить это странное выражение его глаз?

Глава 4

Прошла целая неделя. Гвен сидела в гостиной и ждала слуг, которых вызвала к себе. Теперь она уже привыкла к ненавязчивости домашней прислуги, почти неслышно приходившей и уходившей. Гвен понаблюдала, как идут дела в доме, и сделала заметки об увиденном. Но Лоуренс так и не приходил к ней в постель. Всегда-то у него была какая-нибудь важная причина, которой Гвен ничего не могла противопоставить. Она завела себе привычку не смотреть в глаза Навине, когда та приносила ей постельный чай на серебряном подносе. Для этой женщины было очевидно, что хозяйка спала одна, и Гвен, морщась при мысли, что станет объектом жалости, сознавала необходимость разобраться с этой проблемой самостоятельно.

Хотя холодность мужа ее огорчала, но она, расправив плечи, решила отбросить мысли об этом, по крайней мере на какое-то время. Лоуренса, вероятно, тревожили дела на плантации. Ну ничего, скоро все у них изменится к лучшему, уверяла себя Гвен. А она тем временем займется хозяйством и станет самой лучшей женой, какой только можно быть. Конечно, Гвен не собиралась конкурировать с Кэролайн, первой женой Лоуренса, просто хотела, чтобы муж гордился ею.

Услышав стук в дверь, Гвен вытерла об юбку слегка влажные ладони. Вошли Навина, *анпу*, дворецкий и двое мальчиков-слуг.

– Все здесь? – с улыбкой спросила Гвен и сцепила руки, чтобы скрыть нервозность.

– Кухонные кули заняты, – сообщила Навина. – И другие мальчики тоже. Все, кто мог, пришли.

Дворецкий и Навина были сингалы. Остальные – тамилы. Гвен надеялась, что они все понимают английский и ладят друг с другом.

– Ну вот что, я позвала вас на это маленькое собрание, чтобы вы узнали о моих планах. – Она обвела спокойным взглядом стоявших перед ней слуг. – Я составила список того, что каждый из вас делает, и у меня есть несколько вопросов.

Все молча слушали.

– Во-первых, откуда в доме берется молоко? Я не видела здесь коров.

Анпу поднял руку:

– Молоко доставляют каждый день от буйволицы из долины.

– Понятно. И его достаточно?

Повар кивнул и добавил:

– У нас тут есть еще две козы.

– Отлично. Мой второй вопрос: в какой день приходит *дхоби*?

– Вы с ним договариваетесь, леди.

– Он говорит по-английски?

– По-английски тоже говорит, не очень хорошо.

– Но достаточно?

Анпу покачал головой.

Гвен до сих пор не понимала, означает это движение «да» или «нет», но по крайней мере она выяснила, что *дхоби* – это мужчина, который занимается стиркой. Кроме того, ей стало известно, что он работает в нескольких поместьях, и хотелось узнать, можно ли нанять его, чтобы он работал только здесь.

Она посмотрела на выжидающие лица слуг:

– Следующее, что я запланировала, – это небольшой огород при кухне.

Они неуверенно переглянулись.

– Огород, который заходит на кухню? – уточнил *анпу*.

Гвен улыбнулась:

– Нет, огород, где растут овощи для кухни. У нас столько земли, что это вполне разумно. Но мне понадобятся рабочие, которые займутся этим.

Дворецкий пожал плечами:

– Мы не садовники, леди. У нас есть садовник.

– Да, но это слишком большая работа для одного человека.

Гвен видела этого садовника, необыкновенно толстого мужчину с маленькой головой в обрамлении черных кучерявых волос и шеей такой же ширины, как голова.

– Он приходит постоянно, но, леди, вы спросите мистера Макгрегора, – посоветовала Навина. – Пусть даст людей из рабочих линий.

Гвен улыбнулась. Она до сих пор так и не познакомилась официально с Ником Макгрегором, и это будет идеальная возможность наладить с ним отношения. Гвен встала:

– Хорошо, спасибо всем. На сегодня достаточно. Я поговорю с каждым из вас в отдельности об изменениях в ваших ежедневных обязанностях.

Слуги поклонились, и Гвен покинула комнату, очень довольная тем, как прошла встреча.

Помимо лабрадора, она обнаружила в доме двух молодых спаниелей Боббинс и Спью, с которыми сразу подружилась, часами бросала им палку и гуляла с ними по округе. Сейчас обе собаки семенили за ней по коридору, и Гвен вернулась мыслями к Лоуренсу. Она втянула ноздрями воздух и сжала губы. Что сказать Фрэн, которая могла появиться в любой день? Ей с трудом удастся вынудить мужа заняться с ней любовью, несмотря на все старания. До свадьбы, когда они рассуждали о детях, Лоуренс говорил: чем больше, тем веселее, по крайней мере пять. И, вспоминая восхитительное время, проведенное в Англии и в отеле по приезде, она не могла понять, что пошло не так.

Приближалось время обеда, и Гвен решила сразу после еды заманить Лоуренса в свою комнату и потребовать объяснений. Сегодня у него выходной, так что он не сможет отговориться, ссылаясь на работу.

И вот после обеда, как только они вытерли рты вышитыми льняными салфетками, Гвен встала и протянула руку к мужу – ей до боли в пальцах хотелось прикоснуться к нему. Он взял ее руку, и Гвен потянула его к себе, заметив, что ладони у него холодные. Потом она склонила набок голову и захлопала ресницами:

– Пойдем.

В комнате она закрыла ставни, оставив окно открытым, чтобы оттуда шел воздух. Лоуренс стоял абсолютно неподвижно спиной к окну, они молча смотрели друг на друга.

– Я на минуточку, – сказала Гвен.

Лицо Лоуренса ничуть не изменилось.

Она вошла в ванную, скинула с себя платье, отстегнула шелковые чулки и спустила их – в цейлонской жаре корсет Гвен перестала носить еще до того, как сошла с корабля, – потом сняла кружевную французскую сорочку и такие же трусики, за ними – подвязки и серьги, только нитка жемчуга осталась висеть у нее на шее. Совершенно голая, если не считать жемчуга, она посмотрелась в зеркало. Щеки ее покраснелись от трех бокалов вина, а губам она добавила цвета, чуть коснувшись их помадой «Персидский румянец». Глядя на себя в зеркало, она размазала помаду пальцем, а потом немного потерла шею. Амуниция – вот как называла Фрэн косметику.

Лоуренс сидел на постели с закрытыми глазами. Гвен подошла на цыпочках и остановилась перед ним. Он не шевельнулся. Она слегка наклонилась к нему:

– Лоуренс?

Когда ее грудь приблизилась к его лицу, он взял Гвен руками за талию и мгновение держал на расстоянии вытянутых рук, потом открыл глаза и посмотрел вверх. Она наблюдала, как он берет в рот ее сосок, чувствовала, что у нее сейчас подкосятся колени, и едва не лишилась

чувств от охватившего ее трепета, который усиливался тем, что Лоуренс следил за всеми переменами чувств, отражавшимися на ее лице.

Они постояли так некоторое время, потом он отпустил ее. Когда он скинул обувь, отстегнул подтяжки, снял брюки и нижнее белье, у Гвен захолонуло сердце. Лоуренс толкнул ее спиной на постель, взгромоздился сверху и пристроился поудобнее. Волоски на затылке Гвен встали дыбом. А когда он вошел в нее, она ахнула от ощущения, которое заставило сердце колотиться о ребра и, казалось, лишило ее способности дышать. Возбужденная до полной потери сдержанности, Гвен впиалась пальцами в спину мужа. Но вдруг что-то изменилось; глаза Лоуренса остекленели, и он задвигался очень быстро. Она добивалась этого, но теперь не могла поспеть за ним, связь между ними внезапно оборвалась, и это ощущалось как нечто неправильное. Почему он внезапно впал в это странное состояние, словно отрешился от нее и то, что он делает, не имеет к ней никакого отношения? Гвен попросила его сбавить темп, но он ее не слышал, а через несколько секунд застонал – и все кончилось.

Лоуренс приподнялся на руках и отвернул от нее голову, восстанавливая дыхание.

Пару мгновений они молчали, пока Гвен боролась со своими чувствами.

– Лоуренс?

– Прости, если я сделал тебе больно.

– Ты не сделал. Лоуренс, посмотри на меня. – Она повернула его голову к себе. По правде говоря, он причинил ей боль, немного, но все же, и, шокированная пустотой, заполнившей его глаза, Гвен едва не расплакалась. – Дорогой, объясни мне, в чем дело. Прошу тебя.

Она хотела, чтобы он сказал что-нибудь, все равно что, лишь бы это вернуло его к ней.

– Я чувствую себя так... – (Гвен ждала.) – Из-за того что мы здесь, – наконец продолжил Лоуренс и посмотрел на нее с таким убитым видом, что ей захотелось его утешить. Он взял ее руку, повернул ладонью вверх и поцеловал в самую серединку. – Дело не в тебе. Ты очень дорога мне. Прошу тебя, поверь.

– Тогда в чем?

Лоуренс отпустил ее руку и покачал головой:

– Прости. Я не могу этого сказать. – Он быстро натянул на себя одежду и ушел.

Совершенно ошеломленная, Гвен, чувствуя, что сердце у нее вот-вот разорвется от такой перемены в муже, рванула нитку жемчуга на шее. Застежка сломалась, и жемчужины со звонким стуком раскатились по полу. Почему он не может? Она так хотела его и, уверенная во взаимности их любви, поставила все на роль верной жены и матери. Гвен знала, что Лоуренс хотел ее, правда хотел, – достаточно вспомнить, каким он был в Коломбо! Но, пройдя весь этот путь, она теперь не знала, куда повернуть.

Должно быть, Гвен уснула, потому что не слышала, как в комнату вошла Навина, и, открыв глаза, подскочила, увидев сидевшую на стуле у ее постели сингалку. Мягкое округлое лицо старой *айи* было спокойно, на коленях она держала кружку, а все жемчужины были собраны в стоявшее на прикроватной тумбочке блюдце.

– У меня есть лимонад, леди.

Выражение темных глаз *айи* было таким добрым, что Гвен залилась слезами. Навина протянула к ней руку и легонько коснулась кончиками пальцев ее предплечья. Гвен устала на морщинистую руку старухи, она выглядела такой темной на фоне белизны ее собственной кожи. Навина смотрела на свою госпожу глазами, полными извечной мудрости, и Гвен была тронута невозмутимым спокойствием этой женщины. Ей хотелось, чтобы Навина обняла ее и нежно погладила по волосам, но она вспомнила совет Флоранс Шуботэм: «Лучше не сближаться слишком сильно со слугами» – и отвернулась.

Немного позже Гвен захотелось выбраться из дому, чтобы спасти хотя бы часть дня. Она быстро оделась, хотя это не помогло ей унять сумятицу мыслей. Не забыв на этот раз шляпу,

она решила узнать, что находится за высокими деревьями сбоку от дома. Было тихо. Уплотнившийся в густом предвечернем зное воздух застыл в ленивой неподвижности. Даже птицы задремали и смолкли, слышалось только монотонное гудение насекомых. Гвен вышла через заднюю дверь и прогулялась вдоль озера. Насколько хватало глаз, его накрыло бледно-лиловым туманом. Лоуренс разрешил ей купаться, но только под присмотром, поэтому Гвен подавила в себе желание скинуть одежду и окунуться в воду.

Обычно зеленые холмы по другую сторону озера теперь казались голубыми, и было трудно разглядеть разноцветные фигурки сборщиц чая. Правда, первое впечатление от этой картины никуда не делось. Женщины с корзинами за плечами и в сари всевозможных оттенков так и остались для Гвен экзотическими птицами. Она уже знала, что все работники на плантации – тамилы; сингалы считали унижительным для себя работать за плату, хотя некоторые с удовольствием трудились в домах, поэтому владельцы плантаций и обратились к Индии. Некоторые семьи тамилы жили на плантациях поколениями, говорил Лоуренс. И хотя Гвен от этого отговаривали, ей хотелось увидеть, как выглядят рабочие линии. Она представляла себе уютные домишки и пузатых малышей, спящих в подвешенных между деревьями гамаках.

Тем временем Гвен дошла до двора, с одной стороны которого располагалась кухня. Сбоку росли деревья, дом и терраса тянулись вдоль озера, образуя длинную палочку буквы «Г». Гвен как раз собиралась пересечь засыпанную гравием площадку, когда к двери кухни подошел мужчина, одетый в какие-то отрепья. Он протянул вперед обе руки и затряс головой. Из кухни вышел мальчик, закричал и вытолкнул чужака с крыльца. Тот упал на землю. Мальчик пнул его ногой и ушел в дом, захлопнув за собой дверь.

Гвен немного поколебалась, но мужчина продолжал лежать на земле и стонать, тогда она собралась с духом и подошла к нему:

– С вами все в порядке?

Мужчина взглянул на нее черными глазами. Волосы у него были грязные и спутанные, лицо широкое, с очень темной кожей, а когда он заговорил, Гвен не поняла ни слова. Бедняга указал на свои босые ступни, и она увидела на одной гноящуюся рану.

– Боже милостивый, да на таких ногах далеко не уйдешь. Вот, возьмитесь за мою руку. – Мужчина безучастно взглянул на нее, тогда она наклонилась к нему, намереваясь помочь, и он крепко ухватился за ее предплечье. Гвен знаками показала, чтобы он шел обратно к кухне. Мужчина покачал головой и попытался улизнуть. – Но вы должны. Нужно промыть эту рану и обработать. – Она указала на его ноги.

Он снова попробовал вырваться, но, учитывая его состояние, Гвен оказалась сильнее. Им удалось кое-как доковылять до кухни. Гвен повернула дверную ручку и толчком открыла дверь. Три пары глаз следили, как они входят. Ни один из находившихся внутри не шелохнулся. Гвен довела своего спутника до стола, выдвинула свободной рукой стул и усадила на него раненого мужчину.

Кухонные мальчики бормотали что-то себе под нос, вероятно на тамильском, потому что усаженный на стул мужчина, похоже, понял их и попытался встать. Гвен надавила рукой на его плечо, потом огляделась. В кухне пахло керосином, под ножки двух емкостей для мяса и нескольких буфетов были подставлены миски, вероятно от насекомых, подумала Гвен. Тут имелась пара низких раковин и плита, которую подкармливали дровами, аккуратно сложенными у стены. Воздух был пропитан смесью запахов пота, кокосового масла и карри, которое подадут на обед. Ее первого карри.

– А теперь, – сказала Гвен, указывая на два больших чана рядом с раковинами, – мне нужна миска теплой воды и кусок ткани.

Кухонные мальчики молча уставились на нее. Она повторила свою просьбу, добавив «пожалуйста». Никто не сдвинулся с места. Гвен размышляла, что ей предпринять, когда на кухню вошел *анну*. Она улыбнулась, думая, что от него-то добьется толку; все-таки он регу-

лярно желал ей доброй ночи и был очень мил на их собрании. Одного взгляда на лицо повара хватило, чтобы понять: он крайне недоволен.

– Что это?

– Я хочу, чтобы они принесли воды и я могла промыть рану этого человека, – объяснила

Гвен.

Аппу оскалил зубы и издал сквозь них какой-то странный свистящий звук.

– Вы не можете.

У Гвен поползли мурашки по коже.

– Как это – я не могу? Я хозяйка Хупера и требую, чтобы вы заставили их выполнить мою просьбу.

Повар сперва как будто не хотел уступать, но потом, казалось, вспомнил свое место, повернулся к кухонным кули и, хмуро пробурчав что-то, указал на раковину. Мальчик куда-то убежал и через минуту вернулся с миской воды и обрывками муслина. Гвен убедилась, что Лоуренс не ошибся в своих оценках. Некоторые из слуг действительно слишком долго были предоставлены самим себе.

Гвен окунула кусок ткани в воду и стала промывать рану. Она занималась этим столько времени, сколько смог вынести несчастный.

– У этого мужчины инфицирована нога, – сказала она. – Без лечения он может ее потерять.

Аппу пожал плечами, и она увидела в его глазах молчаливый протест.

– Работники с полей и фабрики не должны заходить в дом.

– Вы знаете, что с ним случилось? – спросила Гвен.

– Гвоздь, леди.

– Где йод? – (Кухонный мальчик посмотрел на *аппу*, а тот снова пожал плечами.) – Йод, я говорю, да поживее! – приказала Гвен; напряжение узлом завязалось у нее между лопатками. Повар подошел к настенному шкафчику и вынул оттуда маленький пузырек. Гвен видела, что он буквально пышет едва скрываемым возмущением. «Мне дела нет, что там думает повар, – сказала она себе. – Главное – помочь этому бедняге». – И бинты, – добавила Гвен.

Повар достал моток бинта, передал его вместе с йодом мальчику, а тот – хозяйке.

– Он сам себя поранил, леди, – сказал повар. – Очень ленивый человек. Делает проблемы.

– Мне все равно. И пока вы здесь, дайте ему мешок риса. У него есть семья?

– Шесть детей, леди.

– Тогда дайте ему два мешка риса.

Повар открыл было рот, чтобы возразить, но, видимо, передумал, пожал плечами и приказал кухонному кули принести рис.

Закончив перевязку, Гвен под неодобрительными взглядами *аппу* и кухонных кули помогла своему пациенту подняться. Нелегко было протолкнуть бедолагу через дверь, и помощь ей не помешала бы. Тем не менее она не стала просить. Совместными усилиями им удалось наконец покинуть дом, и они направились в сторону больших деревьев. Гвен слышала, что на кухне поднялась суматоха, однако высоко подняла голову и гордо зашагала по плотно утоптанной дорожке между деревьями. Мужчина опирался на ее руку и скакал на одной ноге. Когда он попытался освободиться от нее и поставить перевязанную ногу на землю, Гвен покачала головой.

Деревья густо росли вдоль дорожки, пересеченной множеством узловатых корней. Гвен приходилось не только волочить на себе мужчину, цеплявшегося за ее руку, но еще и отбиваться другой рукой от мириад насекомых. Они прошли, вероятно, всего полмили в водянисто-зеленом сумраке, на котором подвижными заплатками сияли пятна пробивавшегося сквозь листву света; сильно пахло зеленью, землей и перегноем. Продвигались они так медленно, что Гвен перестала понимать, какое расстояние пройдено.

Через некоторое время лес поредел, они вышли на поляну, и Гвен услышала крики детей. Дальше вдоль грязной дорожки стояло около дюжины деревянных хижин с жестяными крышами, соединенных одна с другой наподобие длинной крытой террасы. Среди деревьев виднелись другие такие же ряды хижин с крышами, крытыми жестью или пальмовыми листьями, они тянулись во все стороны. Вонь от нужников поднималась до небес. На веревках сушились яркие сари – красные, зеленые, фиолетовые. Подхваченный ветром мусор порхал над утоптанной землей. Несколько стариков в одних набедренных повязках сидели, скрестив ноги, перед своими лачугами и курили дурной табак, вокруг них ходили и что-то клевали тощие куры.

Из одной хижины вышла женщина. Увидев Гвен, она громко крикнула что-то мужчине и позвала к себе троих детей. Остальные собрались вокруг Гвен, возбужденно болтая и указывая на разные части ее одежды. Один, что постелее, даже отважился прикоснуться к ее юбке.

– Привет, – сказала Гвен и протянула руку, однако малыш отступил, будто вдруг оробев.

Она сделала в уме заметку: в следующий раз нужно захватить с собой конфет.

Дети были все как один – с темной блестящей кожей, черными курчавыми волосами, худющие и с большими животами. Они смотрели на нее прекрасными карими глазами, не похожими на глаза маленьких детей. Один или двое выглядели нездоровыми, и все явно недоедали.

– Это ваши дети? – спросила Гвен своего спутника.

Не понимая ее, он пожал плечами.

Внимание Гвен привлекла крупная птица, искавшая в земле червяков и насекомых. Пока она наблюдала за ней, окликавшая мужчину женщина подошла и поклонилась, не поднимая глаз. Волосы у нее были разделены на прямой пробор, нос с широкими ноздрями, ярко выраженные скулы и длинные мочки ушей. Мужчина передал ей два мешка риса. Женщина взяла их и на этот раз взглянула на Гвен с каким-то непостижимым выражением в глазах – то ли неприязни, то ли страха. Возможно, это была даже жалость, а если так, то понять ее было гораздо труднее: женщина не имела почти ничего, а у Гвен было все. Даже из украшений у тамилки на шее висели одни только бусы из каких-то высушенных красных ягод. Женщина снова поклонилась, потом отодвинула в сторону рваную занавеску, закрывавшую вход в лачугу, и скрылась внутри. Каждая хижина была размером примерно десять на двенадцать футов, меньше обувной кладовки в доме Лоуренса, и, наверное, по ночам там было холодно.

Небо мгновенно стало красным. Гвен услышала стрекот кузнечиков, а со стороны озера раздался лягушачий хор. Она отпустила руку мужчины и сделала шаг в сторону, потом развернулась и побежала обратно к деревьям – ночь, как всегда на Цейлоне, наступала внезапно и решительно.

Дорожка потонула во тьме, высокий полог деревьев перекрывал скудный свет уходящего дня. Гвен задрожала от испуга. Лес был полон звуков: шорохи, треск, топот, тяжелое сопение. Лоуренс говорил, что тут водятся дикие кабаны и они иногда нападают на людей. Она в страхе думала: кто еще там может быть? Вероятно, олени, наверняка змеи. Древесные змеи, травяные. Это не так уж страшно. А как насчет кобры с раздувающимся капюшоном? Гвен ускорила шаг. Лоуренс предупреждал ее, а она не послушалась. О чем она только думала? Ей стало трудно дышать в удушающей тьме, а дорожка совсем растворилась во мраке. Нужно было искать путь на ощупь. Зацепившись ногой за стелющуюся по земле лиану, Гвен споткнулась и оцарапала руку и лоб о шершавый ствол какого-то дерева.

Сердце у нее уже выпрыгивало из груди, когда она увидела сквозь заросли мерцающие огни дома, и, только выйдя наконец из-под сени деревьев и ступив на двор, она задышала свободнее.

Но тут раздался повелительный оклик. И это был не ночной сторож.

Проклятье, подумала Гвен, распознав шотландский акцент. Именно он, не кто-нибудь. А она-то хотела произвести хорошее впечатление.

– Это я, Гвендолин! – крикнула она, пересекла двор и, подойдя к управляющему, повернулась лицом к свету.

– Какого дьявола вы там делали, в темноте среди деревьев?

– Простите, мистер Макгрегор.

– Вы, может быть, отвечаете за дом, но, думаю, вам известно, что все происходящее в поместье – это мое дело. Вам, миссис Хупер, совершенно нечего делать рядом с рабочими линиями. Я так понимаю, вы именно оттуда возвращаетесь?

Уязвленная такой несправедливостью, Гвен заговорила:

– Я всего лишь пыталась помочь.

Она посмотрела на его щеки, испещренные красными жилками лопнувших сосудов. Это был мужчина, напоминавший быка, с редеющими на висках рыжеватыми волосами и широкой шеей, плавно переходящей в челюсти. У него были песочного цвета усы, тонкие губы и голубые глаза стального оттенка. Макгрегор довольно грубо схватил Гвен за ободранное предплечье.

– Вы делаете мне больно, – сказала она. – Я была бы вам признательна, если бы вы убрали свою руку, мистер Макгрегор.

Он бросил на нее недовольный взгляд:

– Ваш муж узнает об этом, миссис Хупер.

– Вы совершенно правы, – отрезала Гвен с уверенностью, которой на самом деле не испытывала. – Он узнает.

И тут, к огромному ее облегчению, из дома вышел Лоуренс. Он улыбнулся, однако на несколько мгновений они молча сцепились с Макгрегором напряженными взглядами. Этот момент прошел, и Лоуренс протянул Гвен руку:

– Давай-ка приведем тебя в порядок. – Гвен почувствовала себя потрясенной, но слабо улыбнулась и взяла его руку, а Лоуренс повернулся к Макгрегору. – Ладно, Ник, ничего плохого не случилось. Гвен скоро ко всему привыкнет. – (Макгрегор, казалось, готов был взорваться, но смолчал.) – Она здесь еще новичок. Мы должны делать скидку на это. – Лоуренс обнял Гвен одной рукой. – Давай прислонись ко мне.

Пробежка опростетью по темному лесу заставила Гвен почувствовать свою уязвимость, и она поняла, что поставила Макгрегора в неудобное положение на глазах у Лоуренса. Что-то в этом человеке настораживало ее, хотя дело было не только в нем. Нищета, которую она увидела в рабочих линиях, тоже ее встревожила. И, не чувствуя себя так уютно рядом с Лоуренсом, как до инцидента в спальне, Гвен все же очень радовалась, что на плече у нее лежит его крепкая рука, и надеялась, что ей представится шанс обсудить произошедшее между ними.

На следующее утро, набросав новый план по организации уборки в доме и потратив больше двух часов на попытки разобраться со счетами, Гвен задвинула все это в дальний угол сознания. Так же легко отмахнуться от мыслей о вчерашней стычке с Макгрегором было сложнее, тем более что ей нужна была его помощь с поиском садовников.

Гвен принялась обдумывать конструкцию увитой зеленью беседки. «Может, посадить жасмин, а его побеги зацепить за ажурные металлические решетки», – подумала она, выходя из дому через французское окно.

Озеро блестело под ярко-голубым небом, синевой отражавшимся в зеркале воды, по которой, подсвеченная солнцем, бежала серебристая рябь с мелкими зелеными крапинками. Гвен прошла мимо дерева жакаранда и уловила в воздухе какой-то незнакомый цветочный запах. Пара сорок вспорхнула с лужайки, заросшей травой более жесткой, чем в Англии, но тем не менее ухоженной и аккуратно подстриженной. Гвен хотелось внести в устройство сада что-то свое, но в то же время неприятно было огорчать старого садовника-тамила, который относился к лужайкам и цветочным клумбам как к собственным. Она посоветуется с Лоурен-

сом о том, где лучше разбить кухонный огород, а пока подыщет подходящее место для своей беседки.

Боббинс и Спью, как обычно, вертелись у нее под ногами. Она с силой бросила им мяч, и он исчез в кустах, рядом с которыми сороки искали червяков.

– Там, – сказала Гвен. – Ищите!

Спью был отважный пес и пробирался всюду, куда бы ни залетел мяч. Гвен смотрела, как он ползком протискивается в лаз, который вел в неухоженную часть сада.

Она была раздражена. Утром пошла искать Лоуренса и столкнулась с Навиной, которая сказала ей, что только что оставила записку на ее туалетном столике – записку от хозяина.

Разорвав конверт, Гвен прочла написанное быстрым почерком Лоуренса сообщение, что она не увидит его в ближайшие два дня. Поговорить им так и не удалось. Теперь он уехал в Коломбо встречать Фрэн и еще, как мировой и неофициальный полицейский судья, должен сдать дело в суд в Хаттоне. В одной деревне разгорелся конфликт, ему пришлось утихомиривать местных жителей и решать, кто виноват.

Гвен охватила новый приступ тоски по дому. Она отругала себя, но невольно испытала раздражение: ну почему он не сказал ей об отъезде сам, почему не поинтересовался, не хочет ли она составить ему компанию? Хотя Лоуренс обмолвился, что муссон запаздывает и в Коломбо сейчас чертовски жарко. По крайней мере, здесь, в горах центральной части округа Дикойя, сохранялась относительная прохлада, и Гвен, собиравшаяся провести остаток дня вне дома, радовалась этому.

Когда она кликнула Спью, ей снова пришел на ум мистер Равасингхе. Она поняла, что уже несколько раз невольно в разных ситуациях вспоминала их встречу. Он часто оказывался в поле ее размышлений, и она ощущала намек на то, что ее интерес к нему вызван чем-то более важным, чем его орехово-коричневая кожа, длинные волнистые волосы или блестящие темные глаза.

Спаниель не появлялся.

Боббинс рылась в земле, выставив вверх зад, ровно в том месте, где исчез погнавшийся за мячом Спью, рядом с клумбой, где росли антуриумы с сердцевидными листьями и персиковыми цветами, которые Гвен заметила в первое утро по приезде. Она подошла к собаке и погладила ее.

– Куда он пропал, а, Боббинс?

Гвен услышала лай и заглянула в лаз под сенью большого дерева, однако там было темно, ничего толком не разглядеть. Она потянула за побег какого-то ползучего растения. Он отодвинулся на удивление легко, и когда она убрала в сторону и другие ветки, то обнаружила нечто вроде заросшего растительностью туннеля между деревьями. Туннель должен куда-то вести. Гвен как могла расчистила вход и кое-как протиснулась в него, оцарапав предплечье о какие-то злющие шипы, но, оказавшись внутри, смогла встать почти в полный рост.

– Спью, я иду за тобой! – крикнула она.

Туннель изогнулся и привел ее к поросшим мхом ступеням, которые вели куда-то вниз. Гвен оглянулась на свет, лившийся от входа. Тут достаточно безопасно, решила она, хотя могут быть змеи. Она замерла на месте и оглядела землю вокруг себя – никакого движения, дуновения ветра сюда не проникали, так что ни один листок не шевелился.

Гвен двинулась дальше, слыша только собственные шаги, комариный писк и дыхание Боббинс.

Спустившись по скользким ступеням, она оказалась на маленькой полянке, которая когда-то наверняка была большего размера. Кусты и ползучие растения так разрослись здесь, что не захваченной ими осталась только каменная плита, положенная на два пня, куда Гвен и села. Почти как в лесном логове, которое они с Фрэн детьми устраивали для себя в Оул-Три. Свет тут был тусклый, звуки окружающего мира заглушали деревья. Обстановка вполне уми-

ротворяющая. Боббинс тихо улеглась у ее ног. Гвен принялась и уловила аромат жимолости и еще горьковатый запах листвы.

Тишину нарушил Спью, проползший сквозь заросли на полянку, его розовый нос был испачкан землей, в зубах пес что-то держал.

– Брось это, Спью! – приказала Гвен; собака зарычала и не послушалась. – Иди сюда, непослушный ты пес, и брось это!

Спью стоял на месте.

Гвен встала, поймала его за ошейник и взялась за конец торчавшей у него из пасти штуки. Потянув за него, она поняла, что это часть деревянной игрушки. «Лодочка, – подумала Гвен, – лодочка без паруса».

Пес перестал упираться, вильнул хвостом и бросил свою добычу к ногам хозяйки.

– Интересно, кому она принадлежала? – вслух проговорила Гвен и улыбнулась собакам. – Вас спрашивать бессмысленно, верно?

Оба спаниеля пошли туда, откуда вылез Спью. Гвен двинулась за ними, размышляя, что, если расчистить это место, тут можно прекрасно разместить ее беседку, и, чтобы лучше осмотреться, потянула за ветку, усыпанную какими-то ягодами. Потом стала разгребать ползучие растения, обламывать сучки и сухие ветки. Надо бы вооружиться секатором да надеть садовые перчатки.

Гвен села на пятки. Руки горели от укусов о шипы и царапин, и она уже была готова сдаться, решив, что вернется сюда позже с необходимым инвентарем. Но тут Спью опять принялся рыть землю, а потом залаял. Гвен уловила в его лае нотку собачьего восторга – пес что-то нашел. Она отвела в сторону еще один слой нависавшей над землей листвы, наклонилась посмотреть и увидела стоявший вертикально и немного завалившийся влево покрытый мхом плоский камень. Перед ним виднелся осевший земляной холмик, поросший бледными лесными цветами. Гвен вдохнула влажный лесной воздух и застыла в нерешительности. Похоже, это маленькая могила. Она огляделась и вдруг услышала какое-то шепуршание в листве, потом, не в силах сдержать любопытство, стала соскребать с камня мох, обломав при этом ноготь.

Покончив с этим, Гвен обвела указательным пальцем буквы. Там было выгравировано только имя: «ТОМАС БЕНДЖАМИН», и больше ничего. Ни даты, ни объяснения, кто он такой. Может, брат Лоуренса? Или ребенок кого-то из родственников, хотя Лоуренс не упоминал ни о каких умерших детях. Кроме как спросить у него, другого способа узнать, почему Томас Бенджамин упрятан в это недоступное место, а не похоронен, как полагается, на кладбище при церкви, не было. А тот факт, что Лоуренс ни разу не обмолвился ни о чем подобном, вызвал у Гвен опасение, что ее муж, вероятно, не обрадуется, узнав, что она нашла эту могилу.

Глава 5

Через два дня, услышав звук подъезжающей машины Лоуренса, Гвен, несмотря на легкую тревогу, испытала приятное ощущение от предвкушения встречи. День был прохладный, туманный, и она снова занималась домашними счетами. Они не сходились, и она никак не могла разобраться, в чем дело. Бросив возиться с ними, она договорилась, чтобы *дхоби* передали, что она хочет завтра его видеть. Помимо этого, Гвен ничего больше не успела – она не закончила обход сада, и озеро оставалось скрытым за пеленой тумана, что вызывало досаду.

Гвен накинула на плечи широкий шарф с бахромой, чтобы скрыть царапины на руках, и побежала по коридору к входной двери.

Фрэн вылезала из «даймлера» с широчайшей улыбкой на лице. Гвен кинулась к ней и крепко-крепко обняла. Потом отстранилась, чтобы получше рассмотреть кухню:

– Боже, Фрэн, какая же ты!

Сорвав с головы желтую шляпку в форме колокольчика, украшенную красным фетровым цветком, Фрэн закружилась, указывая на свою прическу:

– Как тебе?

Ее каштановые волосы были подстрижены в еще более короткий боб, чем раньше, но с длинной челкой. При солнечном свете более светлые пряди отливали золотом. Глаза она подвела черной тушью, а губы накрашила ярко-красной помадой, из-под челки искристо сверкали голубые глаза.

Фрэн засмеялась и еще раз обернулась вокруг себя.

Вращение продемонстрировало ее точеную фигурку, которую свободно облегалось платье из тонкого муслина без рукава. Кружевная кайма на подоле и нитка черных бус до пояса довершали ее туалет. Перчатки, закрывавшие руки чуть выше локтя, прекрасно подходили к желтому платью и шляпке.

– Тут довольно прохладно, – сказала она. – Я думала, будет жара.

– У меня много теплых шалей, ты сможешь их взять. С приходом муссона станет еще немного прохладнее. Говорят, это случится со дня на день. Как там в Коломбо?

– Мерзко. Чертовски влажно. И все такие сердитые. Но что за прекрасная поездка. Я никогда не видела ничего подобного. Мы забрались вверх, наверное, футов на тысячу. А что за виды с этих железных мостов!

– Виды прелестные, но у меня от них разболелась голова, – сказала Гвен и повернулась к мужу. – На какой мы здесь высоте, Лоуренс?

– Привет, дорогая. – Его счастливой улыбкой и очевидного удовольствия при виде ее хватило, чтобы мигом стереть из памяти воспоминания об их последней встрече в постели. Лоуренс немного помолчал, а потом наклонился к дверце машины, чтобы помочь выбраться наружу другой женщине, сидевшей спереди. – А ответ на твой вопрос, – сказал он, выпрямляясь, – около пяти тысяч футов.

– Это его сестра, – шепнула Фрэн и скривилась. – Она уже была в Коломбо, остановилась в отеле «Галле-Фейс». Мы забрали ее. Она со мной едва ли парой слов перемолвилась за всю поездку.

Высокая женщина, стоявшая с другой стороны машины, откинула голову и рассмеялась чему-то сказанному Лоуренсом.

– Гвендолин! – окликнул он жену. – Поздоровайся с моей любимой сестрой Верити.

Они вдвоем подошли к Гвен, и Верити протянула ей руку. У сестры Лоуренса были темно-карие глаза и такая же ямочка на подбородке, как у брата, лицо вытянутое, желтоватое. Гвен невольно подумала, что фамильные черты Хуперов женщинам идут гораздо меньше, чем

мужчинам. Когда Верити наклонилась и поцеловала Гвен в щеку, от нее пахло невымытым телом.

– Откуда эти царапины? – спросил Лоуренс и прикоснулся к руке Гвен.

Она улыбнулась:

– Задела за дерево. Ты меня знаешь.

– Милая Гвендолин, я так хотела познакомиться с тобой! Лоуренс рассказал мне все. – (Гвен снова улыбнулась. Она знала о близости мужа с сестрой, но искренне надеялась, что он не стал рассказывать ей *все*.) – Мне так жаль, что я пропустила вашу свадьбу. Это непростительно, знаю, но я застряла в чернейшей Африке. – Верити коротко рассмеялась, выпятила свои тонкие губы и повернулась к Лоуренсу. – Я буду в своей старой комнате?

Он с улыбкой взял ее за руку:

– А где же еще?

Она дважды чмокнула его в щеку:

– Мой дорогой, дорогой брат, как я по тебе скучала! – (И они, взявшись за руки, поднялись по ступенькам в дом.) – О, Гвендолин! – обернувшись, окликнула ее Верити. – Пусть кто-нибудь из слуг принесет наверх мою сумку. Сундук привезут только завтра.

– Конечно, – сказала Гвен, глядя им вслед.

Сундук. Сколько же времени собирается провести здесь сестра Лоуренса? Фрэн следила за выражением лица Гвен.

– Все в порядке?

– Абсолютно прекрасно, – с улыбкой ответила Гвен, а про себя подумала: «Ну, будет прекрасно». – Но я так рада, что ты наконец здесь.

– Я хочу услышать обо всем, – сказала Фрэн и подтолкнула Гвен локтем. – Я имею в виду *все*.

Они обе засмеялись.

На следующее утро Гвен встала рано, чтобы успеть поймать Лоуренса за завтраком. Полная радостного ожидания, что удивит его и наконец получит возможность поговорить, она с улыбкой распахнула дверь столовой.

– Ох! – вырвалось у нее при виде Верити, с аппетитом уплетавшей *кеджери*; от запаха рыбы у Гвен скрутило живот.

– Дорогая, – сказала та и похлопала по сиденью соседнего с ней стула. – Лоуренс только что ушел, но это к лучшему: мы проведем вместе утро и получше узнаем друг друга.

– Это будет мило. Ты хорошо спала?

– Не так чтобы очень, но я сплю хуже всех на свете. Хотя, как я вижу, того же не скажешь о твоей кухне Фрэн.

Гвен засмеялась, но заметила темные круги под глазами Верити, которые вчера не были так видны.

– Верно, – сказала она. – Фрэн любит понежиться в постели.

– Думаю, утренняя прогулка доставит нам удовольствие. Что скажешь?

– Мне нужно встретиться с *дхоби* в половине двенадцатого. Кажется, пара лучших рубашек Лоуренса не вернулась из стирки.

– О, у нас до этого уйма времени, дорогая. Так ты пойдешь? Я очень расстроюсь, если ты откажешься.

Гвен взглянула на Верити. Сестра Лоуренса не была непривлекательной, но ее лицу не хватало теплоты; вероятно, виной тому были залегшие между бровями морщины. Должно быть, она сама понимала это, потому как то и дело намеренно приподнимала брови, чтобы разгладить кожу. От этого глаза ее делались круглыми и она становилась немного похожей на

сову. Но если не брать в расчет круги под глазами, сегодня Верити выглядела свежее, не такой желтой. «Горный воздух должен пойти ей на пользу», – подумала Гвен и ответила:

– Хорошо. Нельзя допустить, чтобы ты расстраивалась. Но я пойду только при условии, что вернусь вовремя и встречу с *дхоби* перед обедом. И мне нужно переобуться.

– Обещаю. А теперь подойди сюда и сядь. *Кеджери* божествен. Или попробуй буйволиный творог с *джаггери*. Этот сироп добывают из дерева *китхул*.

– Я знаю.

– Конечно знаешь.

Гвен посмотрела на миску с творогом. Он был похож на комковатые сливки, политые коричневой патокой.

– Не сегодня. Мне хватит тоста.

– Ну, неудивительно, что ты такая худенькая, если это все, что ты ешь.

Гвен улыбнулась, но немного напряглась, потому что ее золовка начала довольно нервно барабанить пальцами по столу. Она вообще не планировала посвящать утро прогулке, особенно притом, что сразу после обеда они собирались все вместе поехать в Нувара-Элию, а чемодан еще не собран.

Вернувшись в свою комнату, чтобы надеть прогулочные туфли, Гвен застала там занятую уборкой Навину.

– Вы пойдете гулять с сестрой, леди?

– Да.

Мгновение казалось, будто Навина собирается что-то сказать, но этого не произошло, сингалка молча подала Гвен обувь.

Выйдя на утреннее солнышко, Гвен ощутила большой энтузиазм относительно прогулки. Утро стояло великолепное и все еще прохладное, хотя туман быстро таял. Видно было вдаль на многие мили, на небе – только редкие облачка. В зарослях деревьев пели птицы, а воздух был напоен сладким ароматом.

– Мы спустимся к озеру, а потом немного прогуляемся вдоль него. Я покажу дорогу. Ты не против? – спросила Верити.

– Абсолютно. Я до сих пор не знаю толком, где тут можно гулять.

Верити улыбнулась и взяла ее под руку.

Гвен посмотрела на ближайший покрытый чайными кустами склон, блестящий на солнце яркой зеленью. Сборщицы чая уже принялись за дело, их пальцы, срывавшие листья, маленькими птичками порхали над кустами. Гвен указала на дорожки, зигзагами пересекавшие плантацию и поднимающиеся вверх:

– Я бы не отказалась пойти туда. Мне интересно посмотреть на сборщиц вблизи.

Верити нахмурилась:

– Щипальщиц, дорогая, не сборщиц. Но нет, не сегодня. Ты можешь упасть в оросительную канаву. У меня есть идея получше. Мы свернем с дорожки у озера и пойдем в мой любимый лес. Там просто волшебное. Мы с Лоуренсом на каникулах играли там в прятки.

– Вы оба уезжали в Англию в пансион?

– О да, хотя в разное время. Я училась в Малверне. Лоуренс намного старше меня. Ты, конечно, это знаешь.

Гвен кивнула, и они направились к озеру. Шли вдоль него около получаса. Озеро было очень темным и спокойным в центре, ближе к краям – покрыто рябью, а у скалистых берегов пенилось. Серые птицы с белыми грудками и коричневыми брюшками, стоя на валунах, расправляли крылья и прихорашивались.

– Водяные курочки, – объяснила Верити. – Здесь мы свернем. – Она указала на тропинку.

Лес сперва был редкий, но, по мере того как они углублялись в него, становился гуще и воздух наполнялся запахами и звуками, которые издавали снующие вокруг существа. Гвен остановилась и прислушалась.

– Это всего лишь ящерицы, – сказала Верити, – и птицы, конечно, и еще какие-нибудь древесные змейки. Беспокоиться не о чем, поверь. Тут диковато, лес прямо-таки дремучий, но ты не отставай от меня, и все будет в порядке. Теперь пойдем друг за дружкой. Ты сзади.

Гвен протянула руку, чтобы потрогать ветку низкого дерева с толстым стволом, но тут же укололась о листья и отдернула руку. Лес и правда был совсем дикий, ей еще не доводилось бывать в таких, хотя страшно не было. Скорее ее приятно волновала эта атмосфера первозданности. Под ногами трещали сухие ветки, а воздух в самых влажных и темных местах, куда не проникал солнечный свет, казалось, был подкрашен зеленой краской.

Верити улыбнулась:

– Если хочешь что-нибудь узнать, просто спроси. Я уверена, ты здесь прекрасно освоишься.

– Спасибо, – отозвалась Гвен. – Кое-какие вопросы есть. Я думала про ключи от кладовой. Их два. Мне нужно держать у себя оба?

– Нет, это будет для тебя ужасной морокой. Отдай один *анни*. Тогда ему не придется беспокоить тебя по каждому мельчайшему поводу. – Верити указала на фиолетовые цветы у края тропы. – Ну разве не прелесть! Жаль, что я не взяла корзинку.

– Может, в следующий раз.

– Укрась волосы, – предложила Верити и наклонилась сорвать цветок. – Вот, давай я помогу. – Она продела стебелек сквозь завиток волос Гвен и отстранилась, чтобы оценить результат. – Ну вот. Очень мило. Он подходит к твоим глазам. Пошли дальше?

Они пошли. Верити болтала без умолку и, казалось, очень радовалась этой прогулке с невесткой, так что Гвен расслабилась и совсем потеряла счет времени. Запах озера уже давно перестал долетать до них, когда она вдруг вспомнила о намеченной встрече с *дхоби*.

– О боже! Я совсем забыла. Верити, нам нужно возвращаться.

– Конечно, но не иди назад той же дорогой. Это займет целую вечность. Есть короткий путь. Мы с Лоуренсом всегда им пользовались. Так ты вернешься гораздо быстрее. – Верити указала ей на тропинку, а сама сделала шаг в обратном направлении.

– А ты не пойдешь?

– Я, пожалуй, вернусь длинным путем, если ты не против. Такое прекрасное утро, и время меня не поджидает. Видишь эту тропу? Пройдешь по ней ярдов пятьдесят, потом поверни направо, там небольшой перекресток. В центре растет фиговое дерево. Ты его не пропустишь.

– Спасибо.

Верити лучисто улыбнулась:

– Тропа приведет тебя прямо к дому. Держи нос по ветру. Увидимся дома.

Гвен пошла в направлении, указанном Верити, затем повернула туда, где на небольшой полянке росло фиговое дерево. Она по-настоящему наслаждалась утром и пришла к заключению, что ее золовка гораздо дружелюбнее, чем ей показалось вначале. Гвен была рада. Хорошо, если они подружатся. Она шла и шла, ожидая вскоре увидеть сверкающую гладь озера, но через некоторое время заметила, что тропа уводит ее все глубже в чашу леса. Путь ей преградили огромные валуны, и даже птичье пение смолкло. Гвен огляделась, но умение ориентироваться в пространстве никогда не было ее сильной чертой.

Еще немного дальше тропа круто уходила вниз. Это явно был неверный путь. Гвен обернулась и увидела, что уже довольно давно идет под уклон, тогда как для возвращения к дому нужно было подниматься наверх, в этом она не сомневалась.

Гвен села на поросший мхом валун, провела рукой по волосам и утерла со лба пот, немного подумала и решила вернуться назад по своим следам. Она не испугалась, только разо-

злилась на себя за то, что заблудилась. Проблема состояла в том, что чем дальше она шла, тем меньше узнавала путь. Упавшая с дерева ветка запуталась в волосах. Пока Гвен ее вытаскивала, всю прическу растрепала. Пройдя еще немного, она споткнулась, упала на задницу, поцарапала руки и порвала новое вуалевое платье.

Поднявшись на ноги, Гвен стала стряхивать листья и грязь с одежды и почувствовала, что бедро у нее горит. Подняв юбку, она извернулась посмотреть, что там, и увидела: обычно бледная кожа стала ярко-красной. Кто-то ее укусил. Гвен огляделась и заметила на земле в том месте, где она упала, множество муравьев.

Хорошо хоть день солнечный. Гвен двинулась дальше, несколько раз свернув неудачно, она наконец нашла фиговое дерево. Значит, ее ждет впереди длинный круговой путь, но иного выбора, кроме как воспользоваться той же дорогой, какой они с Верити пришли сюда, не оставалось. Она опоздает, сильно опоздает.

Когда Гвен добралась до озера и увидела вдалеке свой новый дом, у нее отлегло от сердца. Она не стала приводить в порядок ни волосы, ни одежду, а бросилась бежать. Подбегая к дому, увидела Лоуренса, он ходил взад-вперед у кромки воды и заслонял рукой глаза от полуденного солнца. Заметив ее, он остановился и смотрел, как она несется к нему.

Гвен так обрадовалась неожиданной встрече с Лоуренсом, что сердце ее едва не разорвалось от счастья.

– Хорошо прогулялась? – спросил он с серьезным видом, потом один из уголков его губ пополз вверх, а брови едва заметно приподнялись; он заулыбался.

– Не смейся, я заблудилась.

– Что мне с тобой делать?

– Я не нарочно. – Гвен почесала бедро. – И меня жутко искушали.

– Кто?

Гвен поморщилась:

– Да какие-то муравьи.

– На Цейлоне нет просто «каких-то муравьев». Но, серьезно, я никогда не простил бы себя, если бы с тобой что-то случилось. Обещай, что будешь осторожнее.

Гвен постаралась придать лицу торжественное выражение, но не смогла и расплылась в улыбку. Кончилось тем, что оба прыснули со смеху.

– Ты говоришь, как мой отец.

– Иногда я себя им и чувствую. – Лоуренс привлек ее к себе. – Только не в таких случаях.

Поцелуй был долгим и глубоким.

В этот момент появилась Верити.

– О, вот ты где! – беспечно воскликнула она. – Простите, что прерываю. Я уже давно вернулась. Мы ужасно волновались.

– Но я пошла по тропе, которую ты показала. Меня искушали муравьи.

– Ты повернула направо? Не забыла? У фигового дерева.

Гвен нахмурилась.

– Ну да ладно. Теперь ты здесь. – Лоуренс обнял жену одной рукой и, вынув платок, стал стирать грязь с ее щек. – Ты пропустила обед, естественно, но можешь поблагодарить Верити. Она вместо тебя поговорила с *дхоби*.

Верити с улыбкой кивнула:

– Благодарности ни к чему. Сказать *анту*, чтобы приготовил для тебя пару сэндвичей? И я поищу какой-нибудь лосьон, чтобы снять зуд от муравьиных укусов.

– Спасибо.

Верити направилась к дому, а Лоуренс взял Гвен за руку:

– А теперь, дорогая, нам пора готовиться к поездке на бал.

– Лоуренс, – начала она, сжимая его руку, – я хотела сказать... о том дне.

Лицо его помрачнело.

– Прости, я был резок.

Гвен мгновение смотрела в землю. Она хотела этого разговора, но не сейчас, когда его сестра находилась рядом и могла их услышать. Может быть, после бала им удастся остаться наедине и все обсудить.

– Давай пока забудем об этом, – предложила она. – Но я хотела объяснить, почему отправилась в рабочие линии.

Лоуренс не дал ей договорить:

– Макгрегор уже сказал мне.

– Ты знаешь, что один мужчина пострадал?

– Ты добра, Гвен, и очень заботлива, но этот человек вечно создает проблемы. Кое-кто считает, что он сам себя поранил.

– Зачем ему это?

– Чтобы вынудить нас оплатить его лечение.

– Ну, если люди получили травмы, мы в любом случае должны им помогать.

– Только не в том случае, если эту травму они нанесли себе сами.

Гвен задумалась.

– Мне не понравилось, как разговаривал со мной мистер Макгрегор.

– Просто у него такая манера общения. Ничего личного. – Гвен вздохнула, вспоминая стальные глаза и поджатые губы Макгрегора, и засомневалась. – Предоставь ему разбираться с рабочими. Боюсь, он не приходит в восторг, когда его авторитету бросают вызов, особенно женщины. Он стойкий приверженец старых традиций.

– Кажется, тут полно таких.

Лоуренс пожал плечами:

– Нам еще многое предстоит сделать, но, поскольку на Цейлоне существуют различные фракции, мы не можем позволить себе отталкивать людей, торопясь с переменами. Нам нужен консенсус, чтобы внести хоть какие-то существенные изменения в жизнь страны в целом.

– А если консенсуса нет?

Лоуренс ответил очень серьезно:

– Должен быть, Гвен.

Последовала пауза.

– Тебе нравится Макгрегор.

– Думаю, да. Я оставил его здесь управляющим на время войны всего с двумя помощниками. Он не мог сражаться, понимаешь.

– О?

– Ты, вероятно, заметила, что он прихрамывает. Но Ник прекрасно справился с тысячей рабочих, и я бы доверил ему свою жизнь.

– Придется и мне научиться любить его.

– Строго говоря, теперь под его командой полторы тысячи работников, так как я вступил во владение еще одним поместьем. Возникли проблемы с некоторыми кули, которых перевели на новое место. Тут много чего происходит, помимо ошипывания листьев.

– А почему сборщицы всегда женщины?

– Чуткие пальцы. Мы называем сбор листьев щипанием.

– Верити говорила. А мужчины?

– Есть много работ, где нужна мускульная сила: копание, посадка, внесение удобрений, прочистка канав и, конечно, обрезка. У нас целые команды обрезчиков, а их дети носятся вокруг и собирают ветки, чтобы отнести их домой на растопку. Не забывай, что ты действуешь из чистой порядочности, а задача Макгрегора – обеспечить твою безопасность. – (Гвен кивнула.) – Ты, вероятно, заметила, что домашние слуги считают себя на голову выше слуг в

поместье. Их мы тоже не хотим огорчать. Как ты вообще справляешься? Ничто не доставляет особых проблем?

Гвен подумала, не сказать ли ему о счетах, но решила не делать этого. За дом отвечала она, так что как-нибудь разберется, в чем тут дело.

Лоуренс поцеловал ее в губы, и она снова уловила знакомый запах мыла и лимона.

– А теперь пойдём, моя прекрасная супруга, – сказал он. – Не пора ли нам немного развлечься?

Ежегодный бал гольф-клуба должен был состояться в «Гранд-отеле» городка Нувара-Элия. Точь-в-точь как особняк Елизаветинской эпохи, отель был окружен сохранившимися в идеальном порядке садами с травяными лужайками, поросшими маргаритками. Гвен давно ждала этого события. Теперь у нее появился повод надеть новое серебристо-розовое платье с юбкой годе, и они с Фрэн наконец-то станцуют чарльстон.

Поездка до Нувара-Элии заняла три часа, все по горным дорогам, и Гвен слегка затошнило. Но когда они добрались до места и она вылезла из машины, то довольно быстро пришла в себя на свежем воздухе, напоенном запахом мяты. Городок выглядел так, будто они не на Цейлоне, а в Глостершире: башня с часами, лестница к величественному военному мемориалу и совершенно английская на вид церковь.

В момент отъезда Гвен, выйдя из дому, была удивлена тем, что Верити уселась на переднее сиденье машины рядом с Лоуренсом. На его лице промелькнуло раздражение, но он не попросил ее убраться назад. Туда отправилась Гвен.

Верити повернула голову и спросила:

– Ты ведь не против? Я не видела брата целую вечность.

Гордость Гвен была немного уязвлена – на переднем сиденье полагалось ехать ей, но она понимала, что Лоуренс и Верити, вероятно, хотят наверстать упущенное.

Комнаты в отеле для всех были заказаны заранее.

– Я забронировал вам с Фрэн номер на двоих, – обращаясь к Гвен, сказал Лоуренс, когда они вошли в холл. – Вы прекрасно проведете время вместе. – (Гвен посмотрела на сновавших вокруг людей и попыталась проглотить готовые сорваться с языка слова.) – Это будет как в старые добрые времена, – продолжил Лоуренс, словно оправдываясь, и повернулся к клерку.

– Дело не в этом, – прошипела Гвен. – Ради бога, Лоуренс...

– Не сейчас, Гвен, прошу тебя. Вот ключи.

Она схватила его за рукав:

– Мы так не договаривались!

Он не ответил. Гвен прикусила язык, подавив внезапно нахлынувшие эмоции, и, не желая, чтобы ее видели плачущей в холле гостиницы, отвернулась.

Лоуренс протянул к ней руку:

– Прости, я знаю, нам нужно поговорить. Боюсь, я был не совсем...

Оборвав фразу, он резко вздохнул – к ним подошла Верити. Дружелюбно взглянув на Гвен, она прильнула к брату и положила голову ему на плечо. Лоуренс бросил на Гвен извиняющийся взгляд. Она, покраснев от гнева, развернулась и пошла искать Фрэн.

Их номер оказался просторным и комфортабельным, с диваном, двумя кроватями под пологом с москитными сетками, двумя маленькими прикроватными тумбочками и подходящим к ним туалетным столиком, на котором стояла со вкусом подобранная композиция из трех бледных орхидей.

Фрэн скинула с плеч теплый шерстяной плед, который дала ей Гвен, сняла платье и мигом забралась под хрустящую от крахмала простыню на одну из кроватей. Она вытянула руку, на запястье тихо звякнул браслет.

– Смотри, это буддийский храм. Я купила его на базаре в Коломбо. – (Гвен рассмотрела новый амулет на браслете кухни.) – Так как тебе нравится замужняя жизнь? – спросила Фрэн, игриво приподняв брови и широко улыбаясь.

– Да, это очень приятно.

– Приятно? Это должно быть гораздо более захватывающим. – (Гвен изобразила непонимание и пожала плечами.) – Давай рассказывай. Ты знаешь, о чем я говорю. – Лицо Гвен помрачнело, и она опустила глаза; Фрэн мигом села. – О Гвенни, что с тобой?

Последовала недолгая пауза – Гвен боролась с собой, ей хотелось выложить все начистоту, но как при этом не нарушить верности Лоуренсу?

– Ты меня пугаешь. Он обидел тебя? – Сестра протянула к ней руку.

Гвен замотала головой и подняла глаза:

– Он не нарочно.

– Ты вся в царапинах.

– Это я сама, по глупости.

– Хорошо. Лоуренс как будто очень мил, едва ли он на такое способен.

Гвен нахмурилась:

– Да, он мил.

– Тогда почему у тебя такой несчастный вид? – Фрэн помолчала. – Так дело в этом? Он действительно мил, даже слишком. Ты не получаешь никакого удовольствия?

Гвен сглотнула стоявший в горле ком и ощутила, как по шее у нее расползается жар.

– Сперва все было. Потом...

– О, это совсем нехорошо. Какой смысл быть связанной с одним мужчиной, если тебе с ним невесело. Он вообще знает, что делать?

– Он был женат. Конечно знает.

Фрэн покачала головой:

– Одно не всегда следует из другого. Некоторые мужчины просто не созданы для этого.

– В Англии наши отношения складывались восхитительно. – Гвен чувствовала, что краска смущения заливает ее все сильнее. – И в Коломбо.

– Значит, у него есть какая-то проблема.

– Вообще, я думаю, его что-то беспокоит, но он не говорит.

– Разговорами тут не поможешь. Давай-ка сделаем так, чтобы ты выглядела совершенно неотразимой и у него руки сами тянулись к тебе. Вот путь к сердцу мужчины!

Гвен улыбнулась. После отъезда Фрэн в Лондон, еще до брака с Лоуренсом, Гвен пыталась поговорить с матерью об интимных вещах. Попытка закончилась беспомощным заиканием. Мать, похоже, слыхом не слыхивала об оргазмах, а от мысли о том, что ее отец, всю жизнь носивший усы в форме дверных ручек, доводит мать до такого состояния, можно было только скривиться или умереть со смеху. От матери Гвен никогда не слышала даже пустых фраз вроде: «У мужчин есть свои потребности», над которыми девчонки потешались в пансионе.

Фрэн прервала ее раздумья:

– Забыла тебе сказать. Думаю, я могу получить работу, когда вернусь домой.

– Тебе не нужна работа. У тебя есть недвижимость для сдачи внаем.

– Мне она нужна не ради денег, просто наскучили вечеринки и шампанское. У тебя всегда была твоя старая сыроварня, так почему бы и мне не обзавестись чем-нибудь?

Эти слова всколыхнули воспоминания. Гвен ощутила болезненную тоску по родителям и старому, ветхому поместью, где они жили. После того как мать превратила старый амбар в сыроварню, все вокруг наполнилось своеобразными запахами. Гвен встряхнула головой. Она сейчас была здесь, в стране корицы и жасмина, какой смысл оглядываться на прошлое.

– Ну что, начнем готовиться? – предложила Фрэн.

После того как они обе приняли ванну, Гвен повязала голову лентой, расшитой жемчугом, а Фрэн помогла ей убрать волосы так, чтобы ее темные кудри свободно свисали сзади вдоль тонкой шеи. Короткие каштановые волосы самой Фрэн, убранные под красную повязку с пером, блестели и красиво подчеркивали абрис головы.

Фрэн окинула сестру оценивающим взглядом.

– Ну как? – спросила та.

– Операция по соблазнению начинается! – с усмешкой ответила ей кузина.

К одиннадцати часам бал был в полном разгаре. Оркестр сделал перерыв, и Гвен принялась рассматривать людей вокруг. Большинство женщин были одеты в старомодные платья пастельных тонов длиной чуть выше лодыжек, даже девушки не отличались в этом от матерей.

Лоуренс, очень красивый в белом смокинге, не мог глаз оторвать от жены, и они с наслаждением кружились в вальсе, но потом им завладела сестра. Когда Гвен отошла, Лоуренс криво улыбнулся ей. Нигде не найдя Фрэн, она совсем потерялась. Прислонилась к колонне недалеко от входа и стояла, прислушиваясь к обрывкам разговоров и кивая смутно знакомым лицам, но вдруг рядом прозвучал мужской голос:

– Миссис Хупер, как приятно видеть вас.

Гвен обернулась и увидела его – облаченный в темный вечерний костюм с каким-то невообразимым жилетом, украшенным вышивкой в красно-золотистых тонах, он выглядел великолепно. Его взгляд задержался на ее лице чуть дольше, чем допускала обычная вежливость. Гвен вспомнила эти блестящие глаза цвета карамели, и теперь, как тогда, стоило ему улыбнуться, они сразу потеплели, отчего изменилось выражение всего лица. Гвен встрепенулась и стала подыскивать слова, подходящие для описания этого человека. Экзотический, так она подумала при первой их встрече, но не только. Может быть, лишающий покоя? Гвен попыталась улыбнуться, но не преуспела в этом, потом, вспомнив о правилах приличия, протянула руку, и он едва заметно коснулся губами шелковой перчатки, которая тянулась до самой подмышки.

– Мистер Равасингхе! Как у вас дела?

– Вы сегодня выглядите прелестно. Не танцуете?

– Благодарю вас, нет, в данный момент не танцую. – На этот раз, польщенная комплиментом, Гвен засияла улыбкой, но тут же смутилась. – Лоуренс где-то здесь со своей сестрой.

– Ах да. Верити Хупер, – кивнул мистер Равасингхе.

– Вы знакомы с ней?

Он склонил голову:

– Наши пути пересекались.

– Я только недавно встретила с ней. Кажется, она очень любит Лоуренса.

– Да, я это помню. – Он помолчал и улыбнулся Гвен. – Не хотите ли потанцевать, миссис Хупер, когда оркестр вернется?

– Прошу вас, зовите меня Гвен. Но я не уверена, стоит ли мне. – Она огляделась и увидела входившую в зал Фрэн – та несла что-то, зажав под мышкой. Как обычно, она выглядела эффектно и в полном соответствии с обстановкой: на ней было приталенное красное платье с расклешенной юбкой и красные туфли на пуговках. – О, послушайте! Я должна познакомить вас со своей кузиной и лучшей подругой Фрэнсис Майнт.

Как только та подошла, Гвен почувствовала, что между ней и Сави сразу возникла симпатия. Они долго смотрели друг на друга, и он, казалось, никак не мог заговорить. Фрэн сияла здоровой красотой и была просто очаровательна. Никогда еще она не выглядела лучше, подумала Гвен, хотя главным, что ее выделяло, было жизнелюбие. Уверенность в себе влекла к ней людей, будто они хотели напитаться энергией от близости с ней, чтобы часть ее сияния отразилась в них. Либо восторг, либо неодобрение – иначе к Фрэн не относились.

Гвен ощутила мимолетный укол ревности. Хотя при обеих встречах с ней Сави Равасингхе явно выглядел восхищенным, но никогда он не смотрел на нее так. Да и сказать по правде, стоило ему обратить на нее внимание, как она сразу робела и ощущала, что заливается краской. Теперь же просто чувствовала себя глупо. Сави заботился о ней, как старший брат о сестре, взял под свое крыло, и даже его предложение потанцевать, сделанное только что, Гвен расценила как проявление доброты, не более.

– Смотрите, что я принесла, – сказала Фрэн и показала им две пластинки, записанные каким-то новым способом с применением электричества и микрофонов. – Я попрошу вон того парня прокрутить их. – Она указала на мужчину в костюме, который отвечал за граммофон. – Вы танцуете чарльстон, мистер Равасингхе? – Он покачал головой и изобразил на лице смятение; Фрэн с улыбкой взяла его за руку. – Ну ничего, я научу вас обоих.

Глянув поверх плеча сестры, Гвен заметила Лоуренса, которому преградила путь американская вдовушка Кристина. Это была одна из тех дам, вокруг которых роятся мужчины. Скроенное по косой, изящное черное платье, облегавшее ее фигуру в нужных местах, обеспечивало это. Гвен посмотрела на взбившиеся волной надо лбом Лоуренса волосы, и ей захотелось подойти к мужу и забрать его. Она подняла руку, подавая ему знак, но он вовсе не замечал ее, свою жену, и не переставал улыбаться чужой женщине! Гвен подавила жгучие уколы ревности, глядя, как американка подняла руку и погладила Лоуренса по щеке. Когда тот наконец отвел от нее взгляд и увидел, что Гвен смотрит на него, он кивнул Кристине и подошел к жене:

– Гвендолин, вот ты где.

– О чем ты говорил с той женщиной? – Она понимала, что ее голос звучит обиженно.

Лоуренс слегка скривился:

– О кое-каких делах.

Гвен прищурилась и втянула ноздрями воздух:

– Лоуренс, я видела, как она прикасалась к твоему лицу. – (Он засмеялся.) – Это не смешно...

Лоуренс обхватил ее рукой за талию, притянул к себе и усмехнулся:

– Я готов смотреть только на тебя. Но она вроде как владеет банком. – Можно подумать, это все объясняло! Потом лицо его помрачнело, и он стал серьезным. – Важнее то, что я видел, как ты разговаривала с Сави Равасингхе. Пожалуйста, развлекайся, танцуй чарльстон с Фрэн, делай что хочешь, но я бы предпочел, чтобы ты не общалась с этим человеком.

Гвен убрала с талии его руку:

– Тебе он не нравится?

– Не имеет значения, нравится он мне или нет.

– Тогда в чем причина? Неужели дело в том, что он сингал?

– Надеюсь, ты не считаешь меня настолько ничтожным?

– Вообще-то, нет. Но, по-моему, мистер Равасингхе – очаровательный человек.

Лоуренс с сомнением посмотрел на нее:

– Очаровательный? Тебе так кажется?

– Да. – Она немного помолчала. – Твои знакомые сингалы когда-нибудь приходят к тебе в гости?

– Изредка.

– А мы пойдем к ним?

– Я знаю, тебе это покажется странным, но нет, даже к таким относительно преуспевающим, как Равасингхе. – Лоуренс покачал головой, а когда заговорил снова, тон его изменился. – Вообще-то, он сейчас пишет портрет Кристины.

– Он художник? А я и не знала. Ты как будто не одобряешь это.

– С чего мне не одобрять? – возразил Лоуренс. – Ну ладно, тут есть несколько человек, с которыми я хочу тебя познакомить.

– О нет! Фрэн сейчас будет учить нас с Сави танцевать чарльстон. – И, чувствуя, что сердится на мужа, Гвен повернулась к нему спиной и направилась вслед за сестрой и мистером Равасингхе к граммофону.

После этого Лоуренс к ней не подходил. Делая вид, что не интересуется им, Гвен исподтишка поглядывала в его сторону, заметила, что он не раз танцевал с Кристиной, и попыталась отнестись к этому по-взрослому, но, видя их вместе, переживала до тошноты. Как он смел указывать ей, с кем общаться, когда эта женщина прижималась к нему и трогала его лицо, как будто он был ее собственностью! Это зрелище возбудило в Гвен сатанинскую веселость, и она выпила подряд несколько бокалов шампанского.

Около часа Фрэн, Сави Равасингхе и Гвен разучивали чарльстон под неодобрительными взглядами окружающих. Зрительницам постарше, без сомнения, хотелось, чтобы поскорее вернулся оркестр и продолжились вальсы и фокстроты. Одна или две молоденькие девушки присоединились к танцующим, и на какое-то время компанию им составила даже Верити. Она так много смеялась, что Гвен невольно потеплела к ней.

Потом Фрэн куда-то исчезла, и Верити нигде не было видно, так что Гвен сникла и ее бравада улетучилась. Она взяла еще бокал шампанского с подноса у проходившего мимо официанта, покинула бальный зал и вышла в холл, где прислонилась к стене за лестницей, чувствуя себя нетрезвой и размышляя, как же ей вырвать Лоуренса из когтей американки.

Когда к ней подошел Сави Равасингхе, глаза у нее были на мокром месте.

– Ждите здесь, – сказал он. – Я найду вашего мужа.

– Мне плохо. Прошу вас, не оставляйте меня.

– Хорошо. Вы в каком номере? Я помогу вам подняться по лестнице.

Гвен захихикала:

– Кажется, я немного пьяна.

Сави взял из ее руки бокал и поставил на стол:

– Ничего, стакан воды и крепкий сон это легко исправят. Пойдемте. Обопритесь на меня.

Он поцеловал ее обтянутые перчаткой пальцы и взял ее под локоть. Сквозь тонкий шелк платья Гвен чувствовала, как прохладна его рука по сравнению с ее разгоряченным телом. В глубине сознания маячила мысль: нехорошо, что она позволяет постороннему мужчине провозить ее в номер, но, после того как Лоуренс танцевал с Кристиной, она решила отбросить прочь осторожность.

– У вас есть ключ?

– В сумочке. – Она остановилась и посмотрела на Сави. – Вы всегда помогаете мне выпутываться из неприятностей.

– Ну, если вы намерены и дальше в них попадать, – засмеялся он.

– Вообще-то, мне немного не по себе.

– Понятно. А теперь мы с вами пойдем наверх, миссис Хупер. – Он утешительно пожал ей руку, и у Гвен ослабли колени. – Держитесь за меня, я доведу вас и сразу пойду искать вашу кузину.

Они успели преодолеть всего несколько ступеней, как вдруг Гвен услышала звук шагов. Взглянув вверх, она увидела спускавшуюся Флоранс Шуботэм, нос у нее блестел, многочисленные подбородки подрагивали. «И как только эти подбородки не мешают разговаривать», – подумала Гвен, ожидая услышать какое-нибудь едкое замечание, но, к ее удивлению, Флоранс прошаркала мимо, ничего не сказав.

– Черт! Она наверняка скажет Лоуренсу.

– Скажет – что?

Гвен неопределенно махнула рукой и ощутила сильное головокружение.

– А, ничего. Просто что я напилась.

Мистер Равасингхе довел ее до номера, и они вместе вошли внутрь. Когда Гвен ощутила прикосновение его пальцев к своим лодыжкам – он снимал с нее туфли, – то слегка возбудилась и закусила губу, пытаясь не выдать чувств, которых ей не следовало испытывать. Сави помог ей улечься на кровать. Гвен закрыла глаза, и он нежно погладил ее по виску. Было приятно, и ей хотелось, чтобы он продолжал, однако, чувствуя легкий стыд, она немного отодвинулась и пробормотала заплетающимся языком:

– Я люблю Лоуренса.

– Конечно любите. Вас еще тошнит?

– Немного. Комната качается.

– Тогда я побуду здесь, пока вы не уснете. Мне бы не хотелось оставлять вас в таком состоянии.

«Он такой милый», – думала Гвен между приступами головокружения, потом произнесла это вслух, икнула, и рука ее подлетела ко рту.

– Упс!

Сави продолжал нежно гладить ее лицо.

Краем сознания Гвен понимала, что нужно попросить его уйти, но чувствовала себя такой одинокой, так тосковала по дому и нуждалась в человеческом участии, к тому же с последним бокалом шампанского из ее головы испарилась и последняя мысль об осмотрительности. Перед мысленным взором то и дело всплывал образ Кристины в черном платье, флиртующей с Лоуренсом, отчего глаза у нее защипало, и она пробормотала себе под нос что-то невнятное.

– Я могу помочь вам устроиться поудобнее, если хотите.

– Благодарю.

Сави поддерживал стакан, пока она пила, подложил ей под голову еще одну подушку. Гвен стянула с себя шаль, ей было жарко, а потом, то погружаясь в лихорадочный сон, то выплывая из него, как будто распалась еще сильнее. Иногда Сави был все еще здесь, или это ей только казалось, а иногда пропадал. И Гвен снился очень тревожный сон, будто мистер Равасингхе трогает ее, а она тянет к нему руки, только он вдруг превращался в Лоуренса – и все становилось нормально. Ей ведь можно заниматься любовью с мужем. Когда она очнулась по-настоящему, то увидела, что, должно быть, во сне расстегнула ворот платья и спустила чулки – она помнила, что ей было очень жарко, – а ее новые французские трусики валялись на полу. Когда посреди ночи появилась Фрэн, она велела Гвен залезть под одеяло.

– Посмотри, в каком ты состоянии, Гвен, – полуодета и вся какая-то растрепанная. Чем ты тут вообще занималась?

– Я не помню.

– От тебя разит алкоголем.

– Я пила, Фрэнни, – подтвердила Гвен, все еще чувствуя себя пьяной, – пила шампанское. Фрэн задула газовый рожок, забралась в постель к Гвен и прижалась к ней, как в детстве.

На следующее утро за завтраком Фрэн не появилась, а Верити ушла на прогулку. Лоуренс был в приподнятом настроении и спросил, понравился ли Гвен вчерашний вечер. Она ответила, что да, но только произошел перебор с шампанским и у нее разболелась голова, а потому пришлось рано уйти спать.

– Я искал тебя, но не смог найти. Верити сказала, что тебя, кажется, увела наверх Фрэн.

– Верити сама была изрядно навеселе. Почему ты не пришел меня проведать?

– Не хотел тебя будить. – Лоуренс помолчал и улыбнулся. – Думаю, вы с Фрэн хорошенько встряхнули наше солидное общество.

У Гвен запылало лицо. Воспоминания о вчерашнем вечере были довольно смутные. Она помнила, что чувствовала головокружение, а потом мистер Равасингхе помогал ей подняться по лестнице. Взглянув на мужа, Гвен подумала: что же ему сказать?

– Тебе понравилось танцевать с Кристиной? – спросила она, намереваясь пошутить, но фраза прозвучала укоризненно.

Лоуренс пожал плечами и намазал маслом тост, потом положил сверху джем.

– Мы с ней давно дружим.

– И это все?

Он посмотрел на нее и улыбнулся:

– Теперь все.

– А раньше было не так?

– Нет, до тебя было не так.

Гвен закусила губу. Она понимала, что это глупо, но невольно почувствовала себя уязвленной.

– А теперь все кончилось?

– Совершенно.

– Не похоже.

Лоуренс нахмурился:

– Ей нравится провоцировать. Не обращай внимания.

– Значит, это не из-за нее?

– Что?

Гвен судорожно вздохнула:

– То, каким ты был. – Ей показалось, что лицо мужа омрачилось, когда он покачал головой. – Для нее тоже все закончилось, да?

– Что это, Гвен, испанская инквизиция? Я уже объяснил тебе, что все кончено.

– И ты об этом собирался сказать мне вчера? – (Лоуренс выглядел озадаченным.) – В холле, когда мы только что приехали...

– Ах это... да... да, конечно.

Гвен решила оставить эту тему и огляделась в поисках другого предмета для разговора. Потом она вспомнила. Впервые ей выпал подходящий момент, чтобы спросить о маленькой могиле. Она отхлебнула чая и промокнула губы салфеткой, потом, за тостом с мармеладом, специально заказанным за границей у фирмы «Фортнум и Мейсон», как она заметила, кротко улыбнулась мужу и спросила:

– Лоуренс, кто такой Томас?

Он напрягся всем телом и сидел, не поднимая на нее глаз.

Пока длилось молчание, Гвен слышала обычные звуки завтрака: обрывки негромких утренних разговоров, легкие шаги официантов, тихое позвякивание ложек в фарфоровых чашках. Пауза тянулась и тянулась, от этого становилось неуютно. Лоуренс вообще собирается что-нибудь сказать? Гвен ощутила легкое покалывание в шее и беспокойно заерзала на стуле. Она намазала маслом еще один тост и протянула его мужу:

– Лоуренс?

Он посмотрел на нее, поднял руку, как будто хотел провести ею по лбу, и, случайно задев тост, выбил его из пальцев Гвен. Выражение его глаз мгновенно изменилось.

– Лучше бы ты туда не совалась.

Голос у него был ровный, но Гвен уловила в нем недовольство и нахмурилась, отчасти растерявшись, отчасти разозлившись.

– Я туда «не совалась», как ты выразился. Я искала подходящее место для беседки. И в любом случае туда забежал Спью и мне нужно было найти его. Я и понятия не имела, что наткнусь на могилу.

– Могилу? – Лоуренс сделал долгий судорожный вдох.

– Да. – (Последовала новая пауза.) – Прощу тебя, скажи. Кто такой Томас? – Выдохнув, Лоуренс устремил взгляд поверх плеча Гвен, а на нее не смотрел. Она доела последний кусочек тоста и пристально взглянула на мужа, потиравшего подбородок. – Мне показалось, это так грустно, что он лежит там совсем один. Почему его не похоронили при церкви? Люди обычно не хоронят покойников у себя в саду, даже если это дети. – Гвен сделала еще глоток чая.

– Томас был не просто ребенок. Он был сыном Кэролайн.

Гвен едва не поперхнулась.

Лоуренс молча вытер рот, положил на стол смятую салфетку и откашлялся, будто хотел заговорить. Но ничего не сказал, и Гвен решила все-таки разобраться до конца.

– Ты имеешь в виду – ребенок одной Кэролайн?

– Сын Кэролайн... и мой. – Лоуренс встал и вышел из-за стола.

Гвен откинулась на спинку стула. О Кэролайн она знала только то, что рассказал ей Лоуренс при их первой встрече. Он был женат, его жена заболела и умерла. О сыне он не упоминал. Ей стало очень жаль его, но почему он ни разу не обмолвился о сыне? И если этот мальчик так много для него значил, почему допустил, чтобы его могила так заросла?

Глава 6

Фрэн оставила на стойке регистрации записку, что, вероятно, задержится в Нуvara-Элии и чтобы они уезжали без нее. Это обеспокоило Гвен, потому что, когда они сразу после завтрака сели в машину, надвинулись грозовые тучи и странный свет, который пробивался сквозь них, окрасил небо в желтоватый цвет. Если вскоре начнется дождь, Фрэн не удастся вернуться. Лоуренс говорил, что в прошлом году часть дороги до Хаттона просто смыло и единственным средством передвижения стали лодки. Хотя Гвен и ожидала с восторгом первого в своей жизни муссона, ей было бы спокойнее, если бы Фрэн поехала с ними.

Дома Гвен и Лоуренс часть дня сторонились друг друга, а потом он ушел на чайную фабрику. Воздух в доме изменился: стал как будто более влажным, жарким и плотным, таким плотным, что его, казалось, можно резать ножом, и в нем появился какой-то незнакомый сладкий запах. Было очень тихо, и эта тишина подавляла. Гвен хотелось рассказать сестре о Томасе, и она чувствовала себя несчастной.

Когда наступило время чаепития, Гвен пошла на кухню, чтобы проверить, сколько осталось риса, и увидела там Ника Макгрегора. Он сидел за столом с трубкой и дымящейся чашкой чая. Хотя управляющий жил по соседству, в собственном бунгало, его часто можно было увидеть на кухне в главном доме, где он отдыхал.

Гвен завела с ним разговор о саде, и, к ее удивлению, Макгрегор проявил готовность помочь, согласился выделить работников, чтобы разбить огород, сказав, что они будут трудиться, сменяя друг друга. Результатом этой беседы Гвен осталась довольна. Похоже, она ошиблась в Макгрегоре. Вероятно, раздражительным его делала боль в ноге.

После этого Гвен подумала, стоит ли ей отважиться на вечернюю прогулку вдоль озера вместе со Спью? Идея была не слишком хорошая, так как в любой момент мог пойти дождь, тогда возвращаться придется по расплзающимся под ногами тропинкам и скользким ступеням. Вместо этого Гвен взбила одну из гобеленовых подушек, легла на диван и закрыла глаза.

Ее внимание привлек звук шагов Лоуренса. Она всегда их узнавала, неизвестно почему. Вероятно, поступь его была уверенной, и дом наполнялся ощущением, что хозяин вернулся, или дело было в том, что Таппер сразу вылезал из своей корзины.

Гвен вышла из комнаты и увидела стоявшего в коридоре мужа – он смотрел на свои руки, а его рубашка была пропитана кровью. У нее перехватило дыхание.

– Что случилось? – Мгновение он глядел на нее, сдвинув брови, потом мотнул головой в сторону корзины любимой собаки; Гвен оглянулась и увидела, что пес не вышел в холл. – Где Таппер? – (Лоуренс двигал челюстью и, казалось, силился совладать с собой.) – Дорогой, скажи мне.

Он попробовал заговорить, но изо рта у него вылетали какие-то бессвязные слова, и Гвен не смогла ничего понять. Она взяла со столика колокольчик и позвонила два раза. Пока они ждали, Гвен пыталась успокоить мужа, но он оттолкнул ее руки и снова уставился в пол.

Вскоре пришел дворецкий.

– Пожалуйста, скажите Навине, пусть принесет воды и чистую рубашку для хозяина. В его комнату.

– Да, госпожа.

– Ну же, Лоуренс, пойдем в твою комнату. Ты расскажешь, что случилось, когда будешь готов.

Она взяла его под локоть, и он позволил ей отвести себя наверх, в его комнату, располагавшуюся в конце длинного коридора. В спальне Лоуренса Гвен побывала всего дважды. И в обоих случаях ей кто-нибудь мешал хорошенько осмотреться там: один раз пришел мальчик-слуга, чтобы подмести пол, а в другой раз Навина принесла выглаженные рубашки.

Лоуренс толкнул дверь. В воздухе висел слабый запах благовоний, темно-синие шторы на окнах были задернуты, так что внутрь проникал лишь тонкий луч вечернего света.

– Тут темно, – сказала Гвен и включила две электрические лампы.

Он, казалось, этого не заметил.

Эта комната была так роскошна и настолько не соответствовала Лоуренсу, что ей трудно было такое вообразить. Ничего общего с убежищем одинокого мужчины, которое она ожидала увидеть. Два темно-синих абажура с бахромой, на столе – несколько фотографий в рамках, на каминной полке – фарфоровые фигурки. Часть натертого до блеска пола скрывал персидский ковер, кровать была накрыта атласным пуховым одеялом цвета горького шоколада. С подвешенного к потолку большого кольца свисала москитная сетка, узлом завязанная над кроватью. Мебель была темная, в отличие от ее собственной.

Раздался стук в дверь, и вошла Навина с полотенцем, тазом воды и свежей рубашкой для Лоуренса. Хотя она, конечно, заметила на одежде хозяина кровь, но ничего не сказала, только молча погладила его по руке. Лоуренс поднял глаза, и они обменялись взглядами. Гвен не поняла смысла этого безмолвного разговора, но видела, что они поняли друг друга.

– Ну вот, – сказала Гвен, как только Навина вышла из комнаты. – Давай-ка снимем эту рубашку.

Она откинула край одеяла. Лоуренс сел на кровать, а Гвен расстегнула ему пуговицы, потом ловко сняла с него рубашку, чтобы посмотреть, не ранен ли он. Вытерла кровь с рук. Лоуренс встал, чтобы снять брюки. Гвен внимательно оглядела его, – кажется, цел.

– Теперь ты скажешь, что случилось? – спросила она.

Лоуренс сделал вдох, сел обратно на постель и уперся кулаками в матрас:

– Они убили Таппера. Моего Таппера. Эти ублюдки перерезали ему горло.

Гвен прижала руку к шее:

– О Лоуренс, как мне жаль!

Она села рядом и прислонилась к нему, глядя на руки мужа, которые теперь лежали у него на коленях – подрагивали, судорожно сжимались и разжимались. Оба молчали, но Гвен чувствовала, что он переживает, по этим рукам – каждое их движение было таким выразительным, будто они пытались говорить вместо Лоуренса. Наконец напряжение немного спало. Гвен обняла мужа и стала гладить по волосам, тихонько приговаривая. Потом он начал громко сглатывать и всхлипывать – звуки эти вырывались из самой глубины его существа.

Гвен только раз в жизни видела, как плакал ее папа. Это случилось, когда утонул его брат, отец Фрэн. Тогда она села на ступеньки, уткнулась носом в колени, испуганная тем, что ее смелый и сильный отец рыдает как ребенок. Но, по крайней мере, она теперь знала, что нужно подождать, пока приступ горя не отступит, как в конце концов случилось с ее отцом.

Так же произошло и с Лоуренсом. Гвен вытерла ему лицо и поцеловала в щеки, ощущая на губах соленый привкус его слез. Потом чмокнула в лоб и нос, как делала ее мать, когда дочка падала и разбивала коленку. Она взяла в ладони его лицо, заглянула ему в глаза и сразу поняла, что дело не только в Таппере. Поцеловав мужа в губы, Гвен сказала:

– Пойдем в постель.

Они легли, не раздевшись до конца, и некоторое время неподвижно лежали рядом. Гвен ощущала тепло тела Лоуренса и слушала, как его дыхание выравнивается.

– Ты не хочешь рассказать, почему убили Таппера?

Лоуренс перевернулся на бок и посмотрел ей в глаза:

– В рабочем поселке возникли кое-какие проблемы.

Гвен вскинула брови:

– Почему ты ничего мне не сказал?

– Не хотел тебя беспокоить.

– Я предпочла бы больше знать о происходящем. Мама и папа всегда вместе обсуждали проблемы, и я хотела бы, чтобы у нас было так же.

– Управлять плантацией – это мужское занятие. У тебя своих дел хватает, пока ты осваиваешься с хозяйством. – Он помолчал. – Вероятно, я позволил Макгрегору слишком сурово обойтись с виновными.

– Как ты поступишь?

Лоуренс нахмурился:

– Я не знаю, правда не знаю. Отношения меняются, я добился некоторого прогресса по сравнению с другими плантаторами, но это трудно. Раньше все было гораздо проще.

– Может, расскажешь, как было раньше? С самого начала. С Кэролайн и Томаса. – Лоуренс молчал, и Гвен запаниковала: не ошиблась ли она в выборе момента для этого разговора. – Ты, должно быть, очень любил ее.

Теряя терпение, она ждала. Наконец Лоуренс перекатился на спину и, глядя в потолок, сглотнул, а когда заговорил, Гвен пришлось напрягать слух, чтобы услышать его.

– Я любил ее, Гвен. – Последовала долгая пауза. – Но после того как малыш...

– Тогда она заболела?

Лоуренс не отвечал, дыхание его стало прерывистым. Гвен обвила его грудь одной рукой и поцеловала в щеку, щетина кольнула ей губы.

– Где она похоронена?

– У англиканской церкви.

Гвен нахмурилась:

– А Томас – нет?

Лоуренс снова помолчал – казалось, он взвешивает в голове слова, – потом повернулся к ней.

Гвен внимательно взглядела в лицо мужа и вдруг затрепетала.

– Она хотела бы, чтобы он остался здесь, дома. Мне очень жаль, что я не рассказал тебе об этом. Знаю, что надо было. Но все это слишком болезненно.

Гвен смотрела в глаза Лоуренсу, и к ее горлу подкатывал комок. Для человека, привыкшего не показывать своего горя, он выглядел глубоко несчастным, она его таким еще не видела. Казалось, будто под печалью Лоуренса таилось что-то еще, до чего не добраться, какое-то более глубокое переживание, которое мучает его. Гвен, конечно, было любопытно узнать, от чего умерли Кэролайн и малыш Томас, однако, не отваживаясь пускаться в дальнейшие расспросы, она кивнула:

– Ладно.

Он закрыл глаза.

Лежа рядом с ним, Гвен ощутила знакомое желание и попыталась проигнорировать трепет сердца. Но Лоуренс как будто уловил ее состояние, потому что положил руку ей на грудь, на то самое трепетное место, посмотрел на нее и улыбнулся. Потом выражение его лица изменилось, он прикоснулся большим пальцем к ямочке у ее ключицы и поцеловал уголок губ, сперва осторожно, но вскоре его поцелуи стали горячее. Гвен приоткрыла рот и ощутила тепло его языка. Когда Лоуренс вдавил ее в матрас, она поняла, что глубокое переживание каким-то образом нажало в нем на спусковой крючок вожделения. Не успела она опомниться, как Лоуренс уже задирает ей юбку, и она, помогая ему стянуть с себя нижнее белье, застонала, когда он приподнял ее тело и придвинул к себе, чтобы снять с нее сорочку. А потом опустил на постель, и они занялись любовью. Без него Гвен чувствовала себя такой потерянной, но вот Лоуренс снова стал прежним, и она едва могла сдержать радость.

Когда все закончилось, пушечным выстрелом прозвучал удар грома и полил дождь; небо разжало кулак и теперь изливало на землю то, что накопило в себе. Гвен лежала и слушала,

прижавшись к мужу. Она начала смеяться и почувствовала, что его тело тоже содрогается от хохота, звук был свободный, счастливый, словно все, что сковывало его, распалось.

– Прости меня, Гвен, за прошлое. Я правда не знаю, что со мной случилось.

– Ш-ш-ш...

Лоуренс повернул ее к себе и приложил палец к ее губам:

– Нет, я должен сказать это. Прошу, прости меня. Я был сам не свой. Просто...

Он замялся, и Гвен прочла на его лице следы какой-то внутренней борьбы. Лоуренс словно бы хотел и не мог что-то высказать. Тогда она попыталась найти нужные слова, чтобы подтолкнуть его к продолжению:

– Это не из-за Кэролайн?

– Не совсем.

– Тогда из-за чего?

Он глубоко вдохнул:

– Когда ты приехала на плантацию... все как будто вернулось.

Дождь на несколько градусов остудил воздух, и Гвен ощутила прилив энергии, она зашевелилась на постели – сила тропического шторма будто влилась в нее и теперь растекалась по венам.

– Мне хотелось бы остаться здесь навсегда, но, вероятно, нам пора идти вниз, – сказала она.

Они оделись, и, прежде чем выключить свет, Гвен бросила взгляд на фотографии, которые раньше заметила на прикроватной тумбочке. С одной на нее глядела улыбающаяся женщина – блондинка, она сидела под деревом в саду на шотландском пледе, голова Таппера лежала у нее на коленях. Лоуренс не заметил, куда смотрит жена.

– Спасибо тебе, – сказал он, взял ее за руку, и они вышли на лестничную площадку.

– Тебе не за что меня благодарить.

– А я благодарю. Ты даже не представляешь, как сильно. – Он снова поцеловал ее.

Под доносившиеся с улицы крики птиц они спускались к ужину. Гвен выглянула в окно – почти стемнело, но было видно, что все вокруг затянуло густым туманом.

В гостиной, к радости Гвен, они застали Фрэн, которая увлеченно беседовала с Верити. Обе женщины прервали разговор и посмотрели на входивших в комнату рука об руку супругов.

– Ну, вы оба просто светитесь, – лукаво заметила Фрэн.

Лоуренс усмехнулся и подмигнул ей. Верити улыбалась одними губами, от Гвен это не укрылось.

– Ты передумала оставаться? Как ты добралась? – спросила она, обращаясь к сестре.

Хотя ее кухня всегда демонстрировала уверенность в себе, Гвен знала, что в глубине души Фрэн до сих пор тяготит печаль из-за смерти родителей. Ее вдруг поразила мысль, что это роднит Фрэн с Верити и на этой почве они могут сойтись.

– Едва успела вскочить в поезд до Хаттона, – отвечала Фрэн. – Что за поездка! Но Сави был сама заботливость – одолжил мне денег на билет и договорился, чтобы меня подвезли до станции Нану-Ойя. А то я оставила свой кошелек здесь.

Губы Лоуренса вытянулись в линию.

– Вот что, ты должна вернуть мистеру Равасингхе долг немедленно.

– Это ни к чему. Я встречу с ним в Нувара-Элии на следующей неделе, если погода позволит. Это такая прелестная маленькая страна, правда? Он обещал показать мне окрестности. Гвен, ты тоже приглашена. Мы пообедаем у Кристины, и он собирается показать ее портрет. Разве не здорово?

Лоуренс повернулся к ним спиной, и Гвен заметила, что плечи у него напряжены.

– Надеюсь, я тоже в числе гостей, – коротко хохотнув, проговорила Верити.

Фрэн взглянула на нее и пожала плечами:

– Боюсь, о тебе они не упоминали. Так что, думаю, нет, звали только меня и Гвен.

Верити отвернулась от них, и Гвен стало жаль бедняжку. Казалось, эта девушка совсем одна в целом мире и, кроме брата, у нее никого нет, к тому же ее все время как будто что-то угнетало. Она постоянно была чем-то озабочена и, сказать по правде, вовсе не старалась произвести хорошее впечатление. Короткая стрижка на прямых волосах не шла к ее вытянутому угловатому лицу, и, за исключением одного рыжего платья, все остальные не годились ей по цвету. Лучше бы она выбирала оттенки, подходящие к ее карим глазам, а не серо-коричневые и едкие, которые она предпочитала.

Гвен любила фиолетовый, и не только потому, что он гармонировал с ее глазами, просто она любила и носила все цвета английского лета – цвета душистого горошка, как называла их Фрэн. Сегодня на ней было платье нежнейшего зеленого оттенка, и хотя она не имела времени переодеться, все равно чувствовала себя свежей. Как человек, много работающий под открытым небом, Лоуренс не заботился об одежде и больше всего любил расхаживать по поместью в шортах, старой кремовой рубашке с коротким рукавом и мятой шляпе. Сейчас он выглядел уверенным в себе и довольным, в глазах его не было и следа тревоги, и одет он был во что-то напоминавшее вечерний костюм.

После ужина Лоуренс подбросил в камин пару поленьев, а Верити села за рояль, на котором стояла дюжина фотографий в серебряных рамках, где были запечатлены Лоуренс, окруженный разными собаками, и мужчины в бриджах, опиравшиеся на винтовки.

Верити играла и пела довольно мелодично, кажется, она совсем оправилась от нанесенного Фрэн удара. Гвен читала слова поверх плеча Верити и впервые заметила, что та, оказывается, имеет привычку грызть ногти.

Фрэн развеселила всех, затеяв игру в шарады, а у Гвен смех встал комом в горле.

«Ну что ты будешь делать с Фрэн» – эти слова звучали постоянным рефреном все ее детство. Сколько Гвен себя помнила, ее сестра всегда любила устраивать представления: то разыгрывала спектакль с помощью кукол из папье-маше, то забиралась на импровизированную сцену, сделанную из ящиков от апельсинов, раскидывала руки и пела куплеты из какой-нибудь оперетты. Одежду она выбирала в соответствии со своими драматическими ролями: алые платья, жакеты с блестками или ярко-желтые, как подсолнухи, тоги.

Семья к этому привыкла, и хотя Лоуренс был готов принять Фрэн, Верити, похоже, не знала, как с ней обращаться. Гвен понимала, что на самом деле Фрэн – чувствительная и умная женщина, а ее поведение не что иное, как защита от несправедливости мира. Однако, видя слегка приподнятые брови золовки, Гвен забеспокоилась, как бы та не решила, будто Фрэн – нахалка, особенно когда Верити с легкой улыбкой прервала ее разговор с Лоуренсом:

– Лоуренс, не проехаться ли нам завтра вокруг озера? Мы можем взять лошадей на конюшне. Я уверена, Ник не станет возражать. – (Лоуренс указал рукой на дождь за окном.) – Ну, тогда мы можем поплавать, только ты и я, помнишь, как в детстве? Я уверена, Гвен не захочет пойти.

Гвен не расслышала и поинтересовалась:

– Пойти – куда?

– О, я размышляла о прогулке на лошадях или, может быть, о купании. – Верити улыбнулась. – Я подумала, ты не захочешь пойти... но, разумеется, ты должна присоединиться к нам.

– Мы никогда не плавали в муссон, – буркнул Лоуренс.

Верити уцепилась за его руку:

– Нет, мы плавали. Точно плавали.

Отношения с сестрой у Лоуренса были сложные. Гвен знала, что после смерти родителей он взял на себя ответственность за нее, выдавал ей деньги на содержание и вообще всячески опекал. По мнению Гвен, в двадцать шесть лет Верити уже должна быть замужем, а не пола-

гаться во всем на брата. Но, судя по рассказу Лоуренса, когда уже было объявлено о помолвке Верити, она в последний момент отказалась от брака.

Гвен не раз задавала себе вопрос: как удавалось Кэролайн ладить с ней? Верити была довольно дружелюбна, но Гвен чувствовала, что эта своенравная особа не всегда ведет себя так. Она подошла к окну и выглянула на улицу. Дождь лился серебристыми потоками, подсвеченный огнями ламп из дома. К утру все газоны будут в лужах, подумала Гвен и повернулась к сидевшим в комнате. Лоуренс подмигнул ей. Она не могла удержаться и, подойдя к нему, села на подлокотник его кресла. Он отцепил от себя Верити и положил ладонь на колено Гвен, стал мягко его поглаживать и, улучив момент, когда никто не видел, запустил руку ей под юбку. От этого у Гвен слегка закружилась голова, и ей страшно захотелось остаться с ним наедине. Хотя смерть Таппера произвела на него ужасное впечатление, благодаря этому несчастью Лоуренс раскрылся и снова стал собой. Гвен решила сделать все возможное, чтобы он таким и остался.

Глава 7

Проснувшись утром в бледном лимонном свете, Гвен почувствовала, что жизнь не может быть прекраснее. Прошло уже больше недели, и каждую ночь Лоуренс проводил с ней. Тяготившие его чувства ослабили хватку, и он стал таким же страстным, каким был до ее приезда на плантацию. Они занимались любовью по ночам, а потом и утром. Пока Лоуренс спал, звук его дыхания успокаивал Гвен, и если она просыпалась раньше его, то просто лежала и слушала, дивясь собственному счастью.

До ее слуха донесся отдаленный крик петуха, и она заметила, как вздрогнули ресницы Лоуренса.

– Привет, дорогая! – Он открыл глаза и потянулся к ней. Гвен прильнула к нему, нежась в его тепле. – Может, попросим, чтобы нам принесли еду сюда и останемся в постели весь день?

– Правда? И ты не пойдешь на работу?

– Нет. Этот день я целиком посвящаю тебе. Чем бы ты хотела заняться?

– Знаешь что, Лоуренс?

– Скажи мне, – улыбнулся он.

Она прошептала ему на ухо.

Он рассмеялся и состроил гримасу:

– Такого я не ожидал. Я тебе уже наскучил?

Гвен звонко чмокнула его в губы:

– Никогда не наскучишь!

– Ну, если ты серьезно, не вижу причин, почему бы тебе не посмотреть, как делают чай.

– Я знала все о том, как в Оул-Три готовили сыр.

– Конечно, я его пробовал... Значит, ты и правда хочешь встать сейчас?

Лоуренс погладил ее по волосам, и ни она, ни он не сделали ни одного движения, чтобы подняться с постели. Лоуренс начал покусывать ее ухо. Он как будто каждый день обнаруживал новую часть тела Гвен, а найдя, заставлял ее испытывать небывалые ощущения. Сегодня от уха его язык проделал извилистый путь по грудям и животу к тому месту между ног, где она ощущала, что жутко его хочет. Однако Лоуренс проигнорировал ее порыв к нему и продолжил движение вниз, к чувствительным местам под коленями. Закончив целовать их, он изучил шрамики на самих коленках.

– Боже, детка, что ты с собой делала?

– Это было в Оул-Три. В детстве я искала призраков среди ветвей, но все время падала, не успев их найти.

– Ты невозможна, – покачал головой Лоуренс.

«Любой согласился бы, что это божественно», – подумала Гвен, когда они снова слились, и, чувствуя тепло его кожи, скользившей по ее телу, совершенно забыла о чае.

Через два часа, когда дождь на время стих, но все вокруг заволочло густым туманом, Лоуренс отвел Гвен на вершину холма по дорожке, которой она раньше не замечала. Когда они сверху увидели озеро, вода в нем была коричневой в тех местах, где с берегов в него смыло красноватую землю. В лесу стояла непривычная тишина, с похожих на привидения деревьев капало, и Гвен на мгновение поверила в злых духов, которые, по словам Навины, имеют обыкновение прятаться в кронах лесных исполинов. После дождя в воздухе сильно пахло дикими орхидеями и травой. Спью, который очень привязался к Гвен, убежал вперед и жадно все обнюхивал.

– Что это за цветы? – спросила она, глядя на высокое растение с белыми соцветиями.

– Мы называем их ангельскими трубами, – ответил Лоуренс, потом указал на большое прямоугольное здание с рядами закрытых ставнями окон, которое стояло высоко на холме позади их дома. – Смотри, вон там фабрика.

Гвен прикоснулась к его руке:

– Прежде чем мы пойдем туда, я хотела спросить: ты узнал, кто сделал это с Таппером? По лицу Лоуренса пробежала горькая тень.

– Трудно сказать. Они сомкнули ряды, понимаешь. Ничего хорошего нет, когда складывается ситуация «мы против них».

– Так почему убили Таппера?

– Мечь за старую обиду.

Гвен вздохнула. Тут все так сложно. Ее с детства учили проявлять доброту к людям и животным. Если быть доброй, люди обычно относятся к тебе так же.

Когда они наконец добрались до фабрики, Гвен запыхалась. Она увидела много темнокожих мужчин, которые, сидя на корточках на наружных выступах здания, мыли окна. Лоуренс открыл дверь, и до Гвен донеслись звуки индуистской молитвы. Спать было велено остаться снаружи.

Они вошли внутрь. На верхнем этаже раздавались клацающие звуки какого-то механизма, в здании слегка пахло чем-то медицинским.

Лоуренс заметил, что Гвен прислушивается.

– Тут работает много разных машин. Раньше энергию вырабатывали сжиганием дров, во многих поместьях так и сейчас делают, но я вложил и перевел генераторы на нефтепродукты. Был одним из первых, хотя у нас есть и дровяная печь – для сушки. Мы используем синее камедистое дерево. Это вид эвкалипта.

– Я чувствую запах, – кивнула Гвен.

– В здании четыре этажа, – продолжал Лоуренс. – Хочешь посидеть и отдышаться?

– Нет. – Гвен окинула взглядом просторное помещение первого этажа. – Я и не думала, что фабрика такая большая.

– Чаю нужен воздух.

– А что здесь происходит?

Глаза у Лоуренса загорелись.

– Тебе и правда интересно?

– Конечно.

– Это сложный процесс. Сюда приносят корзины с зелеными листьями и взвешивают. Хотя есть и другие весовые. Женщинам платят за фунт. Нам приходится следить, чтобы они ничего не подкладывали в корзины для увеличения веса. В производстве чая используют только верхние листочки с кустов. Два листа и почка – так мы говорим.

Гвен отметила, как тепло и дружелюбно общался Лоуренс с мужчиной, который подошел к нему и заговорил по-тамильски. Лоуренс ответил ему на том же языке, после чего гордо обнял жену за плечи:

– Гвен, позволь представить тебе управляющего фабрикой и главного чайного мастера. Дариш отвечает за весь процесс производства. – (Мужчина как-то неуверенно кивнул и поклонился, после чего ушел.) – Он видел здесь только одну англичанку.

– Кэролайн?

– Нет, это была Кристина. Пойдем наверх, я покажу тебе столы для подвяливания. Когда листьев много, Дариш и его помощник работают с двух часов утра, но сейчас из-за дождя тут тихо.

Гвен вовсе не казалось, что тут тихо, наоборот, жизнь на фабрике бурлила – все двигалось и шумело. Она почувствовала себя неуютно то ли от упоминания Кристины, то ли от

опьяняющего запаха листьев – сильного, горьковатого и непривычного. Гвен велела себе не глупить. Лоуренс ведь сказал, что у них с Кристиной все кончено.

Они прошли мимо составленных в стопки корзин, груд инструментов, веревок и прочих приспособлений и стали подниматься по лестнице.

– Это помещения, где мы подвяливаем листья естественным путем, – объяснил Лоуренс, когда они оказались на верхнем этаже. – Чайный куст на самом деле называется *Camellia Sinensis*.

Гвен посмотрела на четыре длинных стола, где были разложены листья.

– Сколько времени они подвяливаются? – спросила она.

Лоуренс обнял ее за талию, она прислонилась к нему, наслаждаясь ощущением, что находится с ним в его мире.

– Это зависит от погоды. Если туман, как сейчас, листья вялятся медленно. Нужно, чтобы их обдувал теплый воздух, понимаешь. И температура должна быть определенная. Иногда нам приходится использовать искусственное тепло печей, чтобы высушить листья. Звук, который ты слышишь, идет от печей. Но в хорошую погоду, когда ставни открыты как нужно, задувающего в окна ветра достаточно.

– А что этажом ниже?

– Когда листья подвяли, их прокатывают через ролики, чтобы размять. Хочешь посмотреть?

Гвен наблюдала, как подвяленные листья по спускным желобам отправляются в машину, находящуюся ниже этажом. К ним снова подошел Дариш. Лоуренс закатал рукава и стал проверять, как работают машины. Ее муж был настолько в своей стихии, что Гвен невольно улыбнулась. Обернувшись к управляющему, он что-то сказал ему на тамильском. Тот кивнул и быстро ушел исполнять приказание.

– Спустимся вниз? – Лоуренс взял Гвен за руку, и они направились к лестнице. – Листья будут спрессованы валковыми дробилками.

– А потом?

– Лопасть ротора измельчает листья, затем их просеивают, чтобы отделить крупные от мелких. – (Гвен принялась, теперь в воздухе пахло чем-то вроде сена, а чай напоминал видом резаный табак.) – Потом чай ферментируют в сушильных комнатах. В процессе ферментации чайный лист становится черным.

– Я и не представляла, что в мою утреннюю чашку чая вложено столько труда.

Лоуренс поцеловал ее в макушку:

– Это еще не конец. Чтобы остановить ферментацию, чай обжигают, потом еще раз просеивают, разделяя на сорта, и только после этого окончательно проверяют, пакуют и отправляют в Лондон или в Коломбо.

– Столько работы! У твоего управляющего, наверное, огромный опыт.

– Да, – засмеялся Лоуренс. – Как видишь, у него есть помощники – чайные мастера и дюжина работников, но сам он живет в поместье с детства. Раньше работал на моего отца и действительно отлично знает свое дело.

– А кто же в конце концов продает чай?

– Устраивают аукционы в Коломбо или в Лондоне, и мой агент там улаживает мои финансовые дела. Ну вот что, думаю, скоро дадут полуденный гудок, и здесь тебе покажется, что он невыносимо громкий.

Лоуренс улыбнулся, и Гвен ощутила, какой могущественный человек ее муж. Он не только крепок и силен от физической работы, но и к тому же решителен и очень ответствен. И хотя у него были какие-то сложности с введением изменений в производство, Гвен прониклась абсолютной уверенностью, что у него все получится.

– Мне очень приятно, что ты интересуешься всем этим, – сказал он.

– А Кэролайн интересовалась?

– Не очень. – Он взял ее за руку и вывел наружу.

Туман рассеялся, и небо прояснилось. Казалось, что дождя больше не будет.

– Лоуренс, а почему твоя сестра не замужем?

Он нахмурился и посмотрел на нее очень серьезно:

– Я не теряю надежды.

– Но почему до сих пор этого не случилось?

– Я не знаю. Она непростая девушка, Гвен. Надеюсь, ты это понимаешь. В нее влюблялись мужчины, но она их отталкивала. Для меня это загадка.

Гвен не стала говорить, что временами ей кажется, будто Верити делает все, чтобы не нравиться мужчинам.

Гудок загудел, когда они прошли ярдов сто по дороге к дому. Гвен зажала уши руками, споткнулась о валявшуюся на тропе ветку и едва не упала.

Лоуренс застонал:

– Я же говорил!

Она выровнялась и побежала. Лоуренс и Спью погнались за ней, потом Лоуренс нагнулся и подхватил ее на руки.

– Поставьте меня сейчас же, Лоуренс Кристофер Хупер. Вдруг нас кто-нибудь видит!

– Тебя нельзя отпускать одну даже спуститься с холма. Ты обязательно поцарапаешься, набьешь себе шишку, поранишь коленку или порежешься, поэтому я тебя понесу.

После обеда какие-то крики оторвали Гвен от чтения детектива, которым она увлеклась. Неохотно отложив книгу, она встала, намереваясь посмотреть, что происходит.

Она услышала, как Лоуренс зовет Навину, а сам пытается успокоить Фрэн, сидевшую на диване с припухшими злыми глазами, по ее раскрасневшимся щекам текли слезы.

Гвен сразу подошла к сестре:

– Дорогая, что случилось? Ты получила плохие новости?

Фрэн помотала головой, сглотнула, не в силах говорить, и снова начала всхлипывать.

– Ее браслет с амулетами, – сказал Лоуренс. – Он пропал. Но я не понимаю, почему это ее так расстроило. Я сказал, что куплю ей новый, но она только сильнее расплакалась. – (Фрэн встала, развернулась и убежала.) – Вот видишь.

– Лоуренс, ты идиот! Это был браслет ее матери. Все амулеты особенные, ее мать собирала их всю жизнь. Каждый что-то значит для Фрэн. Этот браслет ничем не заменишь.

– Я не знал, – расстроился Лоуренс. – И мы ничего не можем сделать?

– Организуй поиски, Лоуренс. Вот что ты можешь сделать. Пусть все слуги ищут. Я попытаюсь успокоить сестру.

На следующее утро Фрэн не вышла к завтраку. Гвен постучалась к ней в комнату и вошла на цыпочках. Ставни закрыты, воздух спертый – за ночь скопился запах пота. Гвен подошла к окну, чтобы проветрить комнату.

– Что-нибудь не так? – спросила она, глядя на Фрэн. – Ты до сих пор не встала. Забыла, что мы сегодня обедаем в гостях?

– Я чувствую себя ужасно, Гвен. Совершенно ужасно.

Гвен посмотрела на сестру – пухлые губы, длинные ресницы и всего два розовых пятнышка на безупречном лице. Как так получается, что Фрэн выглядит прелестно, даже когда ей нездоровится, а самой Гвен стоит только разок чихнуть, и она сразу становится бледной – это в лучшем случае, а в худшем – начинает походить на призрака.

Гвен села на край постели и положила ладонь на лоб кузины. Фрэн редко жалела себя.

– Ты ужасно горячая, – сказала Гвен. – Я попрошу Навину, чтобы она принесла тебе овсянку и чай в постель.

– Я не могу есть.

– Можешь не есть, но попить нужно обязательно.

Гвен не могла притворяться, что она не расстроена. Сегодня они с Фрэн должны были поехать в Нувара-Элию на ланч с Кристиной и мистером Равасингхе. Ей хотелось еще раз увидеть эту женщину, отчасти из любопытства, отчасти для успокоения, а теперь Фрэн проснулась в лихорадке, и они наверняка никуда не поедут.

– Это оттого, что вчера ты была так расстроена, – сказала Гвен, – и погода плохая.

Фрэн застонала:

– Вряд ли мой браслет найдется. Его украли, я уверена.

Гвен задумалась.

– А он был у тебя после бала?

– Точно был. Ты знаешь, я надеваю его почти каждый день и заметила бы, если бы он пропал.

– Мне очень жаль, – сказала Гвен, и Фрэн шмыгнула носом. – Ты не переживай из-за сегодняшнего визита. Съездим в другой раз.

– Нет, Гвен, ты пойди. Сави покажет свою картину. Хотя бы одна из нас должна быть там.

– Фрэн, тебе нравится мистер Равасингхе?

Она покраснела:

– Нравится. И даже очень.

– Верю. Он привлекательный мужчина, и в определенных кругах это модно – покровительствовать художникам, но родителей хватит удар. – Хотя Гвен говорила это с улыбкой, в ее словах звучал укор.

– Твоих родителей, Гвен.

Наступила тишина.

– Слушай, – начала Гвен, – я не могу поехать без тебя. Лоуренсу это не понравится. Не знаю почему, но он не особенно расположен к Сави.

Фрэн в легком раздражении махнула рукой:

– Вероятно, это просто потому, что он сингал.

Гвен покачала головой:

– Не думаю, что дело только в этом.

– Ну и не говори ему ничего. Ужасно не хочется расстраивать Сави. Прошу тебя, поезжай.

– А если Лоуренс узнает?

– О, я уверена, ты что-нибудь придумаешь. Успеешь вернуться к ужину?

– На поезде – наверное.

– Ну вот, ты вернешься, он, может, вообще ничего не заметит.

Гвен засмеялась:

– Если это так много для тебя значит... Да и Лоуренс сегодня не будет обедать дома. Но кто присмотрит за тобой?

– Навина принесет мне питье и сменит белье. А остальное... Дворецкий вызовет врача, если понадобится.

– Наверное, я могу позвать с собой Верити. – (Фрэн скривилась.) – А может, и нет.

Фрэн засмеялась:

– Неужели ангелоподобная Гвендолин Хупер признаётся, что ей кто-то не нравится?

Гвен ткнула ее под ребра:

– Ничего подобного.

– Ой! Я больна, не забывай. Но если ты поедешь, торопись, или опоздаешь на поезд. – Фрэн помолчала. – И вот еще что...

- Давай выкладывай! – Гвен встала и наклонилась поправить простыню.
- Узнай, нравлюсь ли я ему. Пожалуйста. – (Гвен засмеялась, разгибаясь, но уловила задумчивую нотку в голосе сестры.) – Прошу тебя.
- Нет, честно, я не могу. Это глупо.
- Я скоро уеду в Англию, – сказала Фрэн, и ее голос снова стал твердым. – И мне просто хочется узнать, имела ли я шансы.
- Какие именно?
- Это мы посмотрим, – пожала плечами Фрэн.
- Гвен наклонилась над постелью и взяла сестру за руку:
- Мистер Равасингхе очень мил, но ты не можешь выйти за него замуж. Фрэнни, ты ведь сама это понимаешь, да?
- Фрэн выдернула руку:
- Не понимаю, почему нет.
- Гвен вздохнула и задумалась.
- Хотя бы потому, что, кроме меня, никто здесь после такого не станет разговаривать с тобой.
- А мне до этого нет дела. Мы с Сави можем жить как дикари на далеком острове в Индийском океане. Он будет каждый день писать меня обнаженной, пока кожа моя не станет коричневой от загара, и тогда мы с ним будем одного цвета.
- Ты говоришь глупости, – рассмеялась Гвен. – Минута на солнце – и ты станешь красной как рак.
- Вечно ты все портишь, Гвендолин Хупер.
- Нет, просто я практичная. Ну, я пошла. Береги себя.

Кристина опять была в черном платье с низким вырезом и в черных перчатках, которые заканчивались чуть выше локтя. Ее зеленые глаза сверкали, и Гвен заметила, как красиво изогнуты у нее брови. Светлые волосы были убраны только спереди, а по спине свисали петлями, унизанными черными бусинами, что создавало впечатление безыскусного изящества. Усыпанная блестками серебристая лента повязана на лбу, в ушах – блестящие черные серьги капле-видной формы, на шее такое же кольцо. Гвен, одетая в повседневное платье пастельных тонов, почувствовала себя невзрачной простушкой.

– Итак... – Кристина взмахнула сигаретой в мундштуке из слоновой кости. – Я слышала, вы познакомились с нашим очаровательным мистером Равасингхе еще до того, как ступили на землю Цейлона.

– Да... Он помог мне.

– О, это так похоже на Сави. Он добр ко всем, не так ли, дорогой? Удивительно, что вы с ним не отправились прямо в джунгли.

– Такая мысль приходила мне в голову, – засмеялась Гвен.

– Но вы подцепили самого достойного мужчину на Цейлоне.

Сави повернулся к Гвен и подмигнул ей:

– Не обращайтесь внимания. Цель жизни Кристины – забираться людям под кожу так или иначе.

– Ну что ж, после того как бедняга Эрнест свалил, что мне остается, кроме как делать все больше денег и бесить всех? Он завещал мне банк, вы знаете. Но пора мне остановиться. Это несправедливо по отношению к новой гостье. Надеюсь, Гвен, мы с вами станем лучшими подругами.

На это Гвен ответила что-то неопределенное. Она никогда не встречала таких женщин, как Кристина, и особенной делал ее не только странный нью-йоркский акцент. У Гвен возникла тревожная мысль, что, вероятно, именно эта особенность привлекла к ней Лоуренса.

– Почему вы на Цейлоне, миссис Брэдшоу?

– О, ради бога, не церемоньтесь, зовите меня Кристиной. – (Гвен улыбнулась.) – Я провела здесь много лет, а сейчас я здесь, потому что Сави обещал написать мой портрет. Я нашла Сави давным-давно на маленькой выставке в Нью-Йорке. Его портреты такие глубокие. Он вытягивает душу из тех, кто ему позирует. Я, к примеру, просто влюбилась в него. Мы все влюбляемся в конце концов. Пусть он и вас нарисует.

– О, я...

– Ну, надеюсь, вы любите утку, – прервала ее Кристина. – Мы начнем с карри из баклажанов, а потом у нас будет великолепная утка в меду.

Пока Кристина вела их в столовую, Гвен остановилась в коридоре перед висевшей на стене огромной маской:

– Что это?

– Традиционная маска танцора-демона.

Гвен изумленно уставилась на отвратительную морду, сделала шаг назад и натолкнулась на мистера Равасингхе, который похлопал ее по спине. Маска была шокирующая. Отталкивающая. Всклокоченные седые волосы длиной в фут, огромный разинутый рот с оскаленными зубами и торчащие в стороны ярко-красные уши. Оранжевые глаза навывкате смотрели с вождением, а нос и щеки были выкрашены белой краской.

– Ваш замечательный муж подарил ее мне, – сказала Кристина. – Маленький знак внимания. Вы знаете, как он умеет выражать признательность.

Гвен была ошарашена как самим подарком, так и отношением к нему Кристины.

Она вспомнила, как, добравшись в маленьком экипаже от станции Нану-Ойя до «Гранд-отеля», встретила с мистером Равасингхе. Поджидая его на улице, она вдыхала запах эвкалиптов, доносившийся со стороны горы Пидуруталагала, вершина которой скрывалась за облаками. Теперь, когда отношения с Лоуренсом наладились, Гвен ощущала неловкость оттого, что прежде художник вызывал ее интерес. Хотя она мало что помнила из происходившего после бала, ей было стыдно, что она тогда выпила так много шампанского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.